

Вор и собаки

Нагиб Махфуз

I

И вот он опять на воле. Пыль, нестерпимая жара и духота. Его не ждал никто – разве что старый голубой костюм и ботинки на каучуке. Жизнь возвращается, и все дальше отодвигаются глухие тюремные ворота, за которыми таинственный мир отчаяния и горечи... Все те же обожженные солнцем улицы, бешеный бег машин, бесконечная суতোлка уличной толпы, неподвижные фигуры сидящих на корточках людей, те же дома, лавки... И ни одной улыбки. Он один. Он потерял многое. Четыре года, самые лучшие, самые дорогие, пропали даром. Ну ничего, еще немного, и он предстанет перед ними и предъявит свой счет. Пора дать волю гневу. Пора заставить подлецов трястись от страха и сорвать с Измены гнусную маску. Набавия Илеш... Было два имени, стало одно. Каким– то он будет для вас, этот день? Думали, тюремные ворота захлопнулись за мной навеки. А теперь сидите, выжидаете... Но я не дам заманить себя в ловушку. Я выберу момент и обрушусь на вас как рок...

Сана... Когда думаешь о ней, забываешь о жаре, о пыли, о ненависти и обо всей этой дряни, и нежность наполняет душу, и она становится чистой и ясной, как воздух после освежающего дождя. Что знает малышка о своем отце? Не больше, чем эта улица, прохожие, раскаленный воздух. А он долгие четыре года не забывал о ней ни на миг. Наверно, выросла. Интересно, какая она теперь? Удастся ли ему повидаться с ней с глазу на глаз, чтобы никто не помешал до конца насладиться завоеванной радостью?

А Измена? Опять эта проклятая мысль. Призови на помощь всю свою хитрость. Ты умел терпеть там, за решеткой. Сумей же теперь хорошо ударить. Ты будешь юрким, как угорь, внезапным, как коршун, упорным, как мышь, что точит каменную стену, стремительным, как пуля...

Интересно, как он меня встретит? Как посмотрит мне в глаза? Забыл, Илеш, что было время, когда ты, как собака, лизал мои сапоги? Не я ли поставил тебя на ноги? Ведь ты окурки подбирал, а я сделал из тебя

человека... Да и не только ты забыл... Забыла и она, эта женщина, выросшая в зловонной грязи, имя которой – Измена... И среди всей этой мерзости одна ты улыбаешься мне, Сана... Еще немного, и я узнаю радость встречи с тобой. Вот только пройду эту улицу с темными арками, дорогу былых развлечений, ведущую в никуда... Ненавижу... Винные лавки закрыты. Остались только заговорщики-переулки, размеренные удары каблуков по тротуару-змее, визгливая брань трамвайных колес. И крики, резкие, как вонь прогнивших овощей... Ненавижу... Окна домов, полных соблазна, даже когда в них нечего взять. Хмурые, потрескавшиеся стены и странный переулок Сайрафи – злосчастное место, где вор попался в западню и его в мгновение ока скрутили по рукам и ногам. Предатели, будь они прокляты... Вот здесь облава, как удав, сжимала свои кольца, чтобы задушить тебя, когда ты зазевался. А еще годом раньше по этому переулку ты нес мешок муки к празднику, а она шла впереди и держала на руках запеленатую Сану. Какое было время! Даже не верится. Праздник и любовь, дочь и преступление – все они в памяти рядом, как буквы в строчке.

Показались высокие минареты, мечети, проплыла по небу верхушка крепости. Улица влилась в площадь. Под палящими лучами зелень сада кажется особенно яркой. А вот и ветерок, сухой и все-таки живительный, несмотря на зной. Площадь у крепости. Сколько мучительных воспоминаний с ней связано. Как пылает лицо. Надо успокоиться. Надо охладить этот внутренний жар и казаться спокойным, даже добродушным, чтобы как следует сыграть свою роль.

Он перешел через площадь и двинулся к улице Сиккат аль-Имам, где в самом конце, на перекрестке, стоит трехэтажный дом. Так, небольшой визит вежливости. Сейчас они узнают, что он приберег для встречи. Запомни все хорошенько. И эти лавки, и выглядывающие из них головы – перепуганные мыши!

Сзади его окликнули:

– Саид Махран! Какими судьбами?

Он остановился. Окликнувший догнал его, протянул руку. Поздоровались, улыбнулись. Так. Значит, у гадюки нашлись дружки.

Терпение. Еще немного, и все прояснится. А ты, Илеш, небось подглядываешь сейчас из-за занавески, как баба.

– Привет, Баяза... А из соседних лавок уже выбегают люди, и все горячее становятся приветствия. И вот он уже окружен толпой. И все приятели его врага, это ясно. И все наперебой орут:

– Слава тебе Господи, цел и невредим...

– Радость-то какая!

– Я же говорил – в День революции выпустят. Он испытующе оглядел их узкими рыжими глазами.

– Премного благодарен... Баяза хлопнул его по плечу.

– Пошли выпьем шербету!

– Потом, на обратном пути... Голос его был спокоен.

– На обратном пути? Один из толпы, задрав голову и глядя на окно третьего этажа, заорал:

– Эй, Илеш!.. Слышишь, Илеш?.. Спустись-ка поздравить Саида Махрана...

Мог бы и не предупреждать, вонючка. Ведь не ночью же я пришел. И знал, что вы меня ждали.

– Так, говоришь, на обратном пути? – снова спросил Баяза.

– Да, кое-какие старые счета... Баяза нахмурился.

– Это с кем же?

– Ты, может, забыл, что я все-таки отец и что у Илеша моя дочь?

– Верно, но на то есть закон. Он вас и рассудит.

– Лучше договориться по-доброму, – сказал другой. А третий примирительно добавил:

– Как-никак ты ведь только из тюрьмы... Послушался бы совета...

Он почувствовал, как все в нем закипает, но сдержался.

– А я затем и пришел, чтобы поговорить по-доброму... Окно на третьем этаже распахнулось, и из него выглянул Илеш. Запрокинутые головы застыли в напряженном ожидании. Но, прежде чем было произнесено хоть слово, из двери дома вывалился широкоплечий верзила в полосатой галабее и тяжелых ботинках, какие носят в полиции. Саид узнал Хасабаллу, легавого, и прикинулся удивленным:

– Как, и ты здесь? Но ведь я же и вправду пришел, чтобы решить все добром. Стоило ли так беспокоиться?

Легавый подошел к нему и быстро, с профессиональной ловкостью обшарил карманы, пощупал, нет ли чего за пазухой.

– Цыц, ворюга... Зачем пожаловал?

– Пришел договориться насчет дочери...

– С таким, как ты, только и договариваться! – А вот представь себе! Ради дочери...

– В суд обращайся...

– Пойду и в суд, когда ничего не останется...

– Пусти его, – крикнул Илеш сверху. – Пусть войдет!

Всех собери, трус. Ну что ж, посмотрим, надежна ли твоя крепость. Ничего, придет и мой час, и тогда не помогут тебе ни легавый, ни толстые стены.

Вошли в комнату и расселись – кто на диване, кто в креслах. Легавый сел рядом с Саидом, теребя четки. Открыли окна, и в комнату ворвались свет и мухи. На голубом ковре чернели прожженные дыры.

На стене большой портрет – Илеш стоит, опираясь на тяжелую трость. А вот и он сам – огромная бочка в просторной галабее, широкое лицо, тяжелый мясистый нос с переломанным хрящом, квадратная челюсть нависла над двойным подбородком, – прикидываясь спокойным, протянул руку.

– Ну поздравляю...

Воцарилось тягостное молчание. Тревожными стали взгляды. Илеш заговорил первым:

– Что было, то быльем поросло. Подумаешь, великое дело! Случаются вещи и похуже. Ну, были друзьями, а потом разошлись... И вообще, в своем позоре каждый виноват сам...

Саид следил за ним горящим взором. Мускулистый, поджарый, он в этот миг походил на тигра, который вот-вот кинется на слона.

– Вот именно, в своем позоре каждый виноват сам... – повторил он.

И разом впились в него глаза. Руки легавого, перебиравшие четки, настороженно застыли. И Саид поспешно добавил.

– Да нет, в общем-то, ты прав. Я во всем с тобой согласен!

– Хватит ходить вокруг да около, – раздраженно перебил легавый. – Ты о деле говори!

– О деле? – Саид слабо усмехнулся. – С какого же дела начнем?

– С какого начнем, тем и кончим. Одно у тебя здесь дело – дочка твоя.

А жена, а деньги мои, паршивый пес? Ну погодите, погодите... Гляди мне в глаза. Ничтожество, жалкий слизняк, жук навозный... Горе тому, кто пляшет под дудку бабы. Но пусть они думают, что он согласен. Он кивнул. Один из подлипал сказал:

– Дочь твоя в надежных руках, с матерью. Да и по закону шестилетней девчонке положено быть с матерью. Захочешь – можешь видеться с ней раз в неделю...

– Но есть кое-какие обстоятельства, из-за которых она по закону принадлежит мне.

Он нарочно повысил голос, чтобы было слышно на улице.

– Ты на что намекаешь? – с вызовом спросил Илеш. Легавый поспешил вмешаться:

– Так мы ни до чего не договоримся.

– Я ни в чем перед тобой не виноват. – Голос Илеша звучал уверенно. – Сама судьба так решила. Долг – да-да, мой долг мужчины повелел мне так поступить. И все ради нее, ради этой девочки...

Мужской долг, гадюка. Не долг, а предательство, двойная измена. Топор, занесенный над головой, и веревка от виселицы... Но все-таки надо увидеть Сану. И он со всем хладнокровием, на которое в этот миг был способен, сказал:

– Девочка ни в чем не нуждалась. У меня же оставались деньги, много денег...

– Это те, что ты награбил? – взорвался легавый. – Те, от которых отпирался на суде?

– Хотя бы и так. Куда они подевались?

– Да ни гроша у него не было! – завопил Илеш. – Клянусь вам, они в такой нужде остались – врагу своему того не пожелаю. А я – я только исполнил свой долг...

Саид не выдержал:

– Хотел бы я знать, откуда это вдруг у тебя взялись денежки, чтобы жить припеваючи, да еще и других содержать?

– А кто ты такой, что я должен перед тобой отчитываться? – расвирепел Илеш.

– Не горячись, Саид! – сказал подлипала.

– Что до меня, – вмешался легавый, – так мне все ясно. Я тебя насквозь вижу. Да только не трудись понапрасну, кроме как о дочке, ни о чем я тебе говорить не дам.

Саид усмехнулся, отвел глаза. Придется уступить.

– Что ж, будь по-вашему, господин полицейский...

– Да, да, я тебя раскусил, но из уважения к этим людям все-таки позволю тебе повидаться с дочкой. Давайте ее сюда. Неплохо ведь и ее спросить тоже...

– Это как же, господин полицейский?

– Я ведь понимаю, чего ты добиваешься, Саид. Девчонка тебе не нужна, да и девать тебе ее некуда. Когда-то еще сам найдешь приют! Но из жалости, справедливости ради тебе ее покажут. Приведите девочку!

И мать. Пусть мать приведут тоже. Пусть встретятся взгляды. Может, хоть тогда я разгадаю эту дьявольскую тайну. Топор и веревка от виселицы...

Илеш пошел за девочкой. За дверью послышались шаги, и сердце больно сжалось. Саид закусил губу. Подступившая волна нежности и радостного нетерпения унесла и злобу и гнев. Вот и Сана – удивленно озирается вокруг.

Илеш держит ее сзади за плечи. Пришла все-таки. Как же я ждал тебя! В красивом белом платье, а на ногах босоножки, тоже белые, и проглядывают покрашенные ногти. Смуглое личико, темные, зачесанные вверх волосы. Он так и пожирал ее глазами. А она недоверчиво переводила взгляд с одного лица на другое. Его лицо ей особенно не понравилось – ведь он рассматривал ее пристальней всех. И, чувствуя, что именно к нему ее заставляют подойти, она принялась изо всех сил упираться и пятиться назад. Он глядел на нее не сводя глаз, но на сердце стало холодно и пусто. Осталось только одно чувство – сознание утраты. Чужая. А глаза такие же, как у него. И

такой же узкий овал лица. И нос с горбинкой. А вот – чужая! Где же голос крови? Или он тоже предал? И почему все-таки так хочется прижать ее к груди?

– Вот твой отец, – небрежно бросил легавый. А Илеш с бесстрастным лицом добавил:

– Поздоровайся с папой. Бедная мышка. Чего боится? Если бы она только знала, как мне дорога. Он протянул навстречу ей руку и судорожно глотнул: в горле стоял ком. Ободряюще улыбнулся, но девочка сказала: «Нет!» – и попятилась назад. Илеш преградил ей путь. Она закричала: «Мама!» – но Илеш снова легонько подтолкнул ее вперед:

– Поздоровайся с отцом!

Глаза присутствующих загорелись злорадным блеском. И Саид понял: тюремные муки не так уж тяжелы.

– Подойди ко мне, Сана! – В голосе его звучала мольба. И, чувствуя, что не вынесет отказа, он привстал ей навстречу.

– Нет!

– Я твой отец!

Она удивленно взглянула на Илеша. Саид упрямо повторил:

– Я твой отец, я! Иди сюда!

Она продолжала упираться. Тогда он – уже с силой – потянул ее к себе. Она закричала. Он прижал ее к груди, она заплакала и оттолкнула его. С отчаянием, понимая, что проиграл, он пытался ее поцеловать, но она отворачивала лицо, и он сумел поцеловать только руку, которой она отбивалась с безжалостной яростью.

– Да не бойся же, я твой отец, понимаешь?

У нее так же пахли волосы, как у ее матери, и этот знакомый запах заставил его вздрогнуть. А девочка отбивалась и горько плакала, пока легавый наконец не вмешался:

– Ты все-таки потише, она ведь тебя не знает!

С чувством горечи он отпустил ее, сел и злобно процедил:

– Я ее заберу! Последовало минутное молчание.

– Ты сначала успокойся... – начал было Баяза. Но Саид стоял на своем:

– Она должна быть со мной.

– Это уж решит судья! – отрезал легавый и вопрошающе повернулся к Илешу: – Ведь так?

– Мое дело – сторона, но ее мать без суда на это не пойдет.

– Я так и говорил с самого начала, – сказал легавый. – Короче – суд, и никаких разговоров.

Саид чувствовал, что еще немного, и он взорвется от ярости. Но надо сдерживаться. В конце концов, он пришел сюда не за этим.

– Будь по-вашему. Суд так суд!

– Как видишь, – сказал Баяза, – девочка живет хорошо, ни в чем не нуждается.

А легавый не преминул ввернуть:

– Ты бы сперва подыскал себе честный заработок... Но Саид уже овладел собой.

– Что ж, все это верно... Жалеть мне не о чем. Подумаю еще раз, должно быть, и вправду лучше забыть о прошлом, поискать работу, чтобы со временем было куда взять дочь...

И снова воцарилось молчание, на этот раз изумленное, и недоверчиво забегали глаза. Легавый зажал четки в кулак.

– Значит, с этим покончили?

– Какие еще книги?

– Мои.

– Да их, поди, все растрепала Сана,– воскликнул Илеш.– А если остались какие, сейчас принесу.

Он вышел и вскоре вернулся с небольшой стопкой книг, положил их на пол посередине комнаты. Сайд принялся перебирать их.

– И в самом деле почти все пропали! Экая досада!

– С каких это пор ты стал таким ученым? – насмешливо спросил легавый и поднялся, давая понять, что разговор окончен.– Может, ты и книжки воровал?

Все заулыбались. Сайд молча собирал книги. Он не улыбался.

II

Дверь не заперта. Она всегда бывала открытой, даже и в те далекие времена. Он шел сюда по горной дороге. Приют милосердия... Квартал Дарраса, укрытый отрогами горы Мукаттам... Сколько с ним связано воспоминаний...

Кругом дети, песок, расплавленный жар, и он, Саид, задыхающийся от волнения и усталости. Взгляд невольно останавливается на маленьких девочках. Прячась от палящего солнца, полеживают в холодке бездельники. Сколько их?.. На пороге он на минутку остановился и огляделся вокруг, припоминая, когда был здесь в последний раз. До чего же прост этот дом. Должно быть, так жили еще при Адаме.

Просторный некрытый двор, в левом углу высокая пальма с погнутой макушкой. Направо – открыта дверь в единственную комнату. В этом странном доме не было запертых дверей. Сердце учащенно забило, и мысли унесли его к далеким, милым дням... Детство, отцовская ласка, грезы о чем– то неземном, неясном... Фигуры дервишей, раскачивающихся в такт песнопениям. .. И имя Всевышнего, трепетом отзывавшееся в душе. «Смотри, слушай, учись, открой свое сердце»,– говорил, бывало, отец. И радость, рожденная пением и еще предвкушением зеленого чая. Как-то ты поживаешь, владыка, шейх Али Гунеди? Из комнаты донесся голос – хозяин заканчивал молитву. Саид улыбнулся и, подхватив свои книги, решительно переступил порог.

Вот и сам шейх. Скрестив ноги, он сидит на молитвенном коврике и с отрешенным видом что-то бормочет. Все та же комната. В ней почти ничего не изменилось. Циновки, правда, новые – не иначе как постарались ученики,– а у западной стены прежнее скромное ложе, возле которого на полу пляшет пробравшийся через окошко луч заходящего солнца. Остальные стены почти скрылись за полками с книгами. Запах ладана, такой застарелый, что кажется, будто смола не обновлялась десятки лет. Саид опустил книги на пол и подошел к шейху.

– Мир тебе, владыка! Шейх неторопливо закончил свое бормотание и поднял голову. Узкое, живое, одухотворенное лицо, словно ореолом обрамленное седой бородой. Белоснежная шапочка-такля плотно обтягивает серебро когда-то густых волос. Пристальный взгляд человека, который прожил восемь десятков лет на этом свете и для которого иной мир не является тайной. Взгляд, не потерявший своей остроты и таинственной притягательной силы. И, припав к его руке, Саид снова вспомнил далекое прошлое: отца, надежды, мечты о неземном – и украдкой смахнул непрошеную слезу.

– И да пребудет с тобою мир и милость Аллаха! Все тот же голос! А какой голос был у отца? Он стал припоминать, но только зрение осталось верным памяти: он видел лицо отца, его шевелящиеся губы, а голос был забыт безвозвратно. А где же твои ученики, о шейх Али Гунеди? Где те, что приходили сюда славить Аллаха? Скрестив ноги, Саид сел на циновку.

– Сажусь без спроса. Помнится, ты не любил, когда у тебя спрашивали позволения.

Ему показалось, что шейх улыбнулся, хотя бледные губы были по-прежнему неподвижны. Любопытно, вспомнил ли он его?

– Прости, но, кроме твоего дома, у меня нет иного приюта.

Шейх уронил голову на грудь и прошептал:

– Ты говоришь о стенах, но не о сердце. Саид вздохнул: непонятно!

– А я только сегодня вышел из тюрьмы.– Он сказал это подчеркнуто небрежным тоном.

Шейх вопросительно поднял прикрытые веками глаза.

– Из тюрьмы?

– Ну да. Ты не видел меня больше десяти лет. За это время произошли удивительные события. Может быть, ты слышал о них от своих учеников, которые меня знают...

– Я слышу многое и поэтому не слышу почти ничего.

– В общем, я не хочу ничего от тебя скрывать. Поэтому и говорю прямо, что только сегодня вышел из тюрьмы.

Шейх медленно покачал головой и с сожалением произнес:

– Нет, ты не вышел из тюрьмы...

Саид улыбнулся. Все те же слова, из которых каждое имеет свой особый, таинственный смысл. И он сказал:

– Знай, владыка, нет тюрьмы страшнее той, что создана государством.

Шейх пристально поглядел на него своими чистыми глазами и пробормотал:

– Он говорит, что нет тюрьмы страшнее той, что создана государством...

Саид снова улыбнулся. Видно, не понять им друг друга. И все-таки не выдержал:

– А ты меня помнишь? Шейх равнодушно изрек:

– Довольствуйся всегда настоящим...

И хотя Саид был почти уверен, что старик его вспомнил, он не уступал:

– А покойного отца моего, Махрана?

– Да пребудет с ним милость Аллаха...

– Хорошее было время!

– Если можешь, скажи так и о настоящем... – Но...

– Да простит нас Аллах...

– Я говорю, что только сегодня вышел из тюрьмы... Шейх внезапно оживился.

– И когда его посадили на кол, он сказал с улыбкой: «Что посеешь, то и пожнешь».

Отец понимал тебя. Но как же ты должен меня осуждать, если даже твое доброе чувство ко мне оборачивается жестокостью? Ноги сами привели меня в этот мир ладана и душевной тоски, ибо что остается делать тому, кто одинок и у кого нет дома?

– Владыка,– сказал он,– от меня отказалась родная дочь...

– И в деяниях самых малых творений заключена тайна Его,– молвил со вздохом шейх.

– Вот я и сказал себе,– продолжал Саид,– «Если Всевышний сохранил шейха Гунеди на этом свете, я найду дверь его дома открытой».

– Но открылись ли тебе небесные двери? – спокойно возразил шейх.

– Для меня нет места здесь, на земле... родная дочь отказалась от меня...

– Как она схожа с тобой!..

– Почему, владыка?

– Тебе нужен кров, а не Истина.

Саид подпер голову рукой с набухшими венами.

– В минуту тоски отец всегда шел к тебе за помощью, – задумчиво произнес он. – И я подумал...

Не повышая голоса, шейх перебил его:

– Но тебе нужен только кров.

«А может, он меня так и не узнал?» – тревожно мелькнуло в голове. И он сказал:

– Нет, не только. Я хочу, чтобы Всевышний сжалился надо мной...

– И сказала Мариам: «Не стыдно ли тебе просить о жалости того, к кому ты безжалостен сам?» – нараспев протянул шейх.

Пустынную тишину внезапно нарушил рыдающий крик осла, и чей-то противный голос пропел: «Где ты, счастье мое, где удача?» Он вспомнил, как отец однажды поймал его на том, что он мурлыкал «Угадай-ка, угадай!» – и легонько его толкнул: «Разве подобает петь такое, когда мы идем к святому шейху?» Молясь, отец закрывал глаза, раскачивался из стороны в сторону, голосу него хрипел, по лицу струился пот. А ты сидел под чальмой, разглядывал при свете фонаря ряды молящихся, грыз плод домаы^[1 - Дома – род пальмы.] и чувствовал себя необъяснимо счастливым. Это было давно, еще до того, как ты отведал первые жгучие капли любви.

Шейх закрыл глаза. Казалось, он спит.

Все вокруг стало привычным, и даже не слышно было прежнего запаха ладана. И он подумал, что привычка – причина лени, скуки и смерти. Привычка повинна во всех злоключениях – в том, что его предали, отвергли, что вся жизнь прожита напрасно.

– А моления бывают, как и раньше?

Он спросил только затем, чтобы вывести шейха из оцепенения. Но шейх молчал. И тогда он забеспокоился.

– Ты мне не рад?

Шейх открыл глаза.

– Ничтожен просящий, и просьба его ничтожна.

– Но ведь ты хозяин этого дома!

– Хозяин дома рад тебе, как и всякому другому, – мягко проговорил шейх.

Ободренный, Саид улыбнулся, но шейх продолжал:

– А я не хозяин...

Солнечный луч перебрался с циновки на стену, и Саид сказал:

– Все равно, этот дом теперь стал и моим, как был когда-то домом моего отца и домом всякого, кто шел сюда, и за это тебе, владыка, мое спасибо.

– «О Аллах, я не в силах отблагодарить тебя за твое добро. Возблагодари себя сам...»

– Но мне так нужно доброе слово... – с надеждой начал Саид.

– Не лги! – мягко упрекнул шейх.

Он опустил голову, отчего белая борода растеклась по груди, и ушел в свои мысли. Саид терпеливо ждал. Он отполз немного назад, прислонился спиной к полкам с книгами и принялся разглядывать шейха. До чего же все-таки красив! Потом ему надоело ждать, и он спросил:

– Может быть, тебе что-нибудь нужно?

Шейх, казалось, не слышал. Снова воцарилось молчание. Саид машинально следил взглядом за муравьями, которые легкой вереницей скользили по циновке. И тут вдруг шейх сказал:

– Возьми Коран и читай. Он смутился и принялся оправдываться:

– Но ведь я только сегодня из тюрьмы... Я не совершил омовения...

– Соверши его и читай...

– От меня отказалась родная дочь, – жалобно сказал Саид. – Испугалась меня, словно черта. А еще раньше ее мать изменила мне...

– Соверши омовение и читай, – мягко, но настойчиво повторил шейх.

– Изменила мне с жалким негодяем, который учился у меня и, как собака, ждал моей подачки. Потребовала развод, пока я был в тюрьме, и вышла за него замуж!..

– Соверши омовение и читай!

– Все мои деньги, – упрямо продолжал Саид, – все имущество все он отнял. Большим человеком стал. Еще бы, теперь все бандиты в квартале – его люди...

– Соверши омовение и читай!

Саид нахмурился так, что на лбу проступили вены.

– Легавые не могли бы меня схватить. Я знаю, я сумел бы бежать, так уже бывало. Этот пес выдал меня. Сговорился с ней и выдал. И посыпались несчастья. Даже дочь и та от меня отказалась...

– Соверши омовение и читай! – укоризненно твердил шейх.– Читай: «Если любите Аллаха, повинуйтесь мне, и Он возлюбит вас», читай: «Я избрал тебя... » Повторяй: «Любовь есть согласие и покорность Его велениям, воздержание от того, что Он запрещает, довольство тем, что Он назначил и предопределил...»

Ты видишь перед собой отца. Он радостно качает головой и с улыбкой глядит на тебя, будто хочет сказать: «Слушай и учись!» Ты же норовишь улучшить момент и влезть на пальму. И тебе хочется сбивать финики с дерева. А иногда ты начинаешь потихоньку подтягивать хору молящихся. И когда ты однажды возвращался домой в студенческое общежитие в Гизе, ты увидел ее. Она шла тебе навстречу с корзинкой в руках, красивая и желанная, тая в себе все райское блаженство и все муки ада, которые тебе суждено было изведать. Как это звучит стих, что особенно нравился тебе в молениях? «...Явился и светом озарил твой путь. И увидал ты месяц в небе и увидал любимый Лик». А солнце еще не зашло. Последняя золотая ниточка медленно тает в окошке. И впереди долгая ночь. Первая ночь на свободе. Один, наедине со своей свободой. И с шейхом, который витает в небесах и бормочет слова, непонятные тому, кто привык играть с огнем. Но ведь податься-то тебе больше некуда...

III

Просматривая газету «Захра», он увидел подпись Рауфа Альвана и с жадностью стал читать. Он не успел еще отойти далеко от дома шейха Али Гунеди, где провел ночь. Посмотрим, в какой чернильнице черпает Рауф Альван свое вдохновение! Женские моды, радиоприемники, ответ читательнице, которую бросил муж. Красивые слова, но где прежний Рауф Альван? Студенческое общежитие и удивительные дни прошлого. Сама энергия, казалось, воплотилась в этом студенте из провинции, который ходил в старой, поношенной одежде, но имел большое сердце. Рауф... Правдивое блестящее перо. Что же все-таки произошло? И в чем причина этих удивительных, прямо-таки загадочных превращений? Или, может, здесь тоже произошли события,

подобные тем, что приключились в переулке Сайрафи, где остались Набавия, Илеш и маленькая девочка, отказавшаяся от родного отца? Я должен его увидеть. Шейх дал мне ночлег, но ведь мне нужны еще и деньги. Я должен начинать жизнь сначала, господин Альван. Ты так же мудр, как и шейх Али, ты – самое главное, что осталось у меня в этой жизни, в которой нет ничего прочного.

На площади Маариф он остановился перед зданием редакции «Захра». Грандиозно, ничего не скажешь. В такой дом не просто вломиться. И этот внушительный ряд автомобилей, застывших, как часовые, у мрачной стены. И глухой рокот ротационных машин, доносящийся из-за подвальных решеток, словно сонное бормотание какого-то огромного страшного существа. В общей толпе Саид вошел в здание. Подойдя к справочному бюро, хрипло спросил:

– К господину Рауфу Альвану как пройти?

Чиновник оглядел его и, видимо, остался недоволен: уж очень нагло смотрели эти узкие, с прищуром глаза. Сухо бросил:

– Четвертый этаж.

Он направился к лифту. Среди посетителей он странно выделялся своим голубым пиджаком и ботинками на каучуке. И потом: этот крупный нос с горбинкой и вызывающий, острый взгляд... В кабине лифта была девушка, и он снова со злобой вспомнил Набавию и Илеша... Ну погодите же! Доехал до четвертого этажа, быстро прошмыгнул мимо служителя в комнату секретаря. Просторная прямоугольная комната, перегородки из стекла, окно выходит на улицу. Никакой мебели. Секретарша по телефону убеждала кого-то, что господин Рауф Альван находится у главного редактора и будет не раньше чем часа через два. Неуютно чувствовать себя чужим. И все-таки он продолжал стоять с независимым видом и с откровенной бесцеремонностью разглядывал лица посетителей. А что с ними церемониться? Было время, когда он глядел на таких с одной мыслью – убивать всех вас надо! Но здесь встречаться с Рауфом он не станет. Совсем не подходящее место для встречи старых друзей. Да, видно, большим человеком стал Рауф. И комната эта ему под стать. А ведь раньше служил-то всего-навсего редактором в небольшой газетке «Назир» на улице Мухаммеда Али. Но зато была эта газета глашатаем

свободы. Так каким же ты стал теперь, Рауф? Изменил ли ты мне, как Набавия? Откажешься ли от меня, как Сана? Не надо думать о дурном. Он твой друг и учитель, он обнаженный меч, защищающий свободу. Таким ты его знал, и таким он остался, несмотря на величие, внушающее невольный трепет, несмотря на свои странные статьи и изящную секретаршу. И если я не могу обнять его в этой крепости, что ж, я разыщу его адрес в телефонной книге...

Сидя на росистой траве у набережной Нила, он ждал, укрытый тенью дерева от света электрических фонарей. Месяц закатился рано, среди ночного мрака остались только звезды. Подул прозрачный ласковый ветерок, принеся ночную прохладу, такую живительную после раскаленного безумия летнего дня. Обхватив колени, он сидел спиной к Нилу и не сводил глаз с виллы иод номером восемнадцать. Дом открыт с трех сторон, а четвертой выходит в большой сад. Таинственно, словно призраки, о чем-то шепчутся деревья. И за ними белое здание... Знакомое зрелище – символ богатства и власти. Но откуда? Каким образом? И в такой короткий срок. Даже вора не снилось подобное. Раньше, глядя на такие виллы, я прикидывал, как бы туда залезть. Так почему же сегодня я жду, что в этой меня встретит теплое дружеское слово? Да, Рауф Альван, задал ты мне загадку. Но я ее разгадаю. Как странно – Махран... Альван... Почти в рифму. А собака Илеш завладел всем, что я имел...

К дому подъехала машина, и он встал. Когда сторож настезь-распахнул ворота, он быстро перебежал дорогу и заглянул в машину: может, узнает? Да нет, куда там, темно. И тогда он громко окликнул:

– Господин Рауф! Это я, Саид Махран...

Сидевший в машине выглянул в окно, и Саид услышал густой спокойный бас:

– О!.. Да никак Саид?

Он не успел увидеть лица., но в тоне голоса было что-то ободряющее. Несколько секунд ожидания, потом дверца машины распахнулась, и тот же голос приказал:

– Садись.

Для начала неплохо. Нет, все-таки Рауф остался самим собой, несмотря на секретаршу за стеклянной перегородкой и эту роскошную виллу. Машина по извилистой дорожке покатила к дому.

– Ну, Саид, как дела, дружище? Когда вышел?

– Вчера.

– Вчера?

– Да. Мне бы следовало сразу прийти к тебе, да не смог: неотложные дела задержали. И отдохнуть надо было! Пошел ночевать к шейху Али Гунеди, помнишь его? Они вошли в дом.

– Еще бы... наставник твоего покойного отца? Да мы же вместе с тобой частенько бывали у него на моленьях.

– А забавно было, правда?

– Да, нравилось мне, как они пели. Слуга зажег люстру, и Саид залюбовался ее устремленными вверх свечами, в которых горели тысячи звезд. Статуэтки на золоченых подставках, словно вышедшие из тьмы веков. Лепные химеры на потолке, узорчатые ковры, мягкие кресла и подушки для ног. Взгляд его остановился на лице хозяина. Полное, круглое лицо. Он так любил его, так часто не отрываясь в него глядел, что мог без труда восстановить в памяти эти черты. И пока слуга открывал дверь, которая вела в сад, и отдергивал шторы, он глядел на Рауфа, не забывая, правда, отмечать про себя все новые и новые красивые вещи, что были в комнате. Густой, одурманивающий аромат долетел из сада. Голова у него закружилась, огни люстры заплясали перед глазами. Лицо Рауфа вдруг расплылось и стало широким, как коровья морда. Нет, несмотря на всю свою живость, приветливость и радушие, в чем-то он все-таки недоступен. Ни дать ни взять аристократ. Все повадки такие, хотя нос приплюснут, а скулы широковаты. Тревожно забилося сердце – куда податься, если и эта последняя надежда рухнет? Рауф опустил на диван у двери и указал Саиду на одно из мягких кресел, которые окружали тонкую колонну, расписанную сюжетами из мифологии. Тот не заставил себя долго просить. Рауф вытянул длинные ноги.

– Ты заходил ко мне в редакцию?

– Заходил, но редакция не самое подходящее место для встречи.

Рауф засмеялся. У него были почерневшие у корней зубы.

– Да, когда работаешь в газете, вертишься как белка в колесе. И что же ты, долго меня ждал?

– Целую вечность!

Рауф снова засмеялся, а потом многозначительно сказал:

– Ну, а дорогу сюда ты, конечно, нашел легко. Она, кажется, была тебе знакома и прежде?

Теперь уж и Саид рассмеялся.

– Еще бы, на этой улице я имел неплохую клиентуру. На вилле Фадея-паши Хасанейна разжился тысячью фунтами, от актрисы Кавакиб вынес редкие алмазные серьги... Вошел слуга, толкая перед собой столик на колесах, на котором стояла бутылка и два бокала, изящное лиловое ведерко со льдом, поднос с пирамидой яблок, закуски, кувшин с водой. Рауф знаком отослал слугу и сам наполнил бокалы. Протянул один Саиду, поднял другой.

– За свободу!

Пригубил немного – Саид осушил свой залпом – и спросил:

– Ну а как твоя дочка? Кстати, совсем забыл, а почему ты, собственно, ночевал у шейха?

Он ни о чем не знает, но помнит, что у тебя есть дочка. Спокойно и сухо Сайд рассказал историю своих злоключений и закончил:

– Вчера зашел в переулок Сайрафи и, конечно, тут же напоролся на легавого. А дочка – дочка меня не узнала. Испугалась, расплакалась...– Он налил себе вина.

– Ну что ж,– сказал Рауф,– все это грустно. Впрочем, дочка твоя и правда не виновата. Она тебя просто не помнит. А вырастет – узнает, полюбит...

– Да нет, все они, бабы, одинаковы...

– Это ты только сейчас так говоришь. А там кто знает? Будешь думать по– другому. Что поделаешь – такова жизнь!

Зазвонил телефон. Рауф снял трубку, расплылся в широкой улыбке и, взяв аппарат, вышел на веранду. Саид пристально за ним следил. Женщина? Ну ясное дело. Заулыбался, ушел на веранду, в темноту. Интересно, он по-прежнему не женат? Вот сидят они тут, пьют, разговаривают. И все-таки почему-то больно. Какое-то предчувствие говорит ему, что подобная встреча вряд ли повторится еще. Он сам не знает, откуда это чувство, но верит ему как человек, привыкший полагаться на свою интуицию. Теперь Рауф – обитатель квартала, где ты раньше бывал только как налетчик. Может быть, он и принимает-то тебя здесь поневоле. Может быть, он тоже переменялся и от прежнего Рауфа не осталось ничего, кроме внешней оболочки. С веранды до него долетел смех, и он помрачнел еще больше. Взял яблоко, надкусил. Вся твоя жизнь – воплощение идей человека, который сейчас безмятежно смеется в телефон там, на веранде, и горе ему, если он изменил этим идеям. Рауф снова вошел в комнату, поставил аппарат на место, сел. Он весь светился – так был доволен собой.

– Нет, что ни говори, а свобода – великая вещь. Можно потерять самое дорогое, но если осталась свобода – все утраты тебе нипочем. – Он отправил в рот кусок бастурмы[2 - Бастурма – здесь: вяленое мясо.].

Теперь он уже почти не скрывал, что беседа потеряла для него всякий интерес.

– Итак, ты вышел из тюрьмы и хочешь начать новую жизнь...

Он снова наполнил бокалы. Саид жадно ел. Украдкой он взглянул на своего собеседника, и тот поспешно улыбнулся. Но Саид успел поймать его откровенно неприязненный взгляд. Ты просто идиот, если думал, что он рад тебе искренне. Да это же простая вежливость! Ему

стыдно прогнать тебя сразу, но стыд скоро исчезнет без следа. Эта измена, пожалуй, самая тяжелая. Какая страшная пустота!.. Рауф протянул руку к резной китайской шкатулке, стоявшей в углублении колонны, взял сигарету, закурил.

– Такие-то дела, братец ты мой! То, что отравляло нам когда-то жизнь, ушло безвозвратно.

– Как же, еще в тюрьме об этом услышал. И кто бы мог подумать? – сквозь зубы процедил Саид. Очаровательная улыбка.

– Так что, выходит, воевать нам больше не с кем...

– Что же, пусть будет перемирие. В конце концов, поле битвы обширно... – Саид взглядом обвел комнату. – Да и эта роскошная зала – чем не поле битвы?

И тут же пожалел о своих словах. Глаза Рауфа сверкнули холодным блеском. Ну надо же было тебе, невежа, брякнуть такое!

– Не понимаю, что здесь общего... – В голосе Рауфа звучала тихая ярость.

Саид поспешил исправить оплошность:

– Да нет, я просто хотел сказать... Прекрасная комната... Столько вкуса... Рауф зло прищурился:

– Не юли. Выкладывай лучше все начистоту. Ведь я тебя насквозь вижу, сам знаешь! Он не скрывал раздражения. Саид улыбнулся, но улыбка получилась жалкой:

– Клянусь, я не хотел сказать ничего обидного...

– Да будет тебе известно, я живу на деньги, которые в поте лица добываю собственным трудом.

– Я никогда в этом и не сомневался. Честное слово, ты напрасно так кипятишься...

Рауф молчал, нервно курая сигарету. Саид перестал жевать и извиняющимся тоном заговорил:

– Видишь ли, я еще окончательно не пришел в себя после тюрьмы. Наверно, долго еще буду учиться заново вежливым манерам. И потом, не забывай, я сейчас просто сам не свой после той встречи, которую мне устроили дома. И про дочку не могу забыть...

Ах, так!.. Рауф поднял брови, как бы давая понять, что больше не сердится. И, заметив, что Саид вопросительно поглядывает на поднос, сказал:

– Ешь...– К нему вернулось прежнее спокойствие.

Не заставляя себя упрашивать, Саид снова набросился на еду. Происшедшее нисколько не отразилось на его аппетите. Но Рауф, видимо, решил, что разговор пора кончать.

– Надо все изменить в корне. Ты думал о будущем? Саид закурил.

– Я еще весь в прошлом. Где уж тут думать о будущем?

– Мне почему-то всегда казалось, что женщин в мире больше, чем мужчин. А посему не стоит из-за измены жены так убиваться. И дочка в свое время узнает тебя и полюбит. Главное для тебя сейчас – найти работу.

Глядя на китайского божка – само олицетворение сонливой величавости,– Саид задумчиво произнес:

– В тюрьме меня научили шить... Рауф удивился:

– Откроешь мастерскую?

– Ну уж нет!

– Тогда что же?

Саид вызывающе усмехнулся:

– В своей жизни я умел делать хорошо только одно...

– Неужели опять воровать? – В голосе Рауфа снова послышалось раздражение.

– А почему бы и нет? Воровское ремесло дело выгодное, сам знаешь...

Рауф взорвался:

– А откуда, собственно, я должен это знать? Саид прикинулся удивленным.

– Не надо так горячиться, я хотел сказать: «Сам знаешь из моего опыта». Разве нет?

Рауф опустил глаза, словно раздумывая, верить или нет. Но радушное выражение уже окончательно исчезло с его лица, и он сказал тоном человека, который торопится закончить неприятный разговор:

– Ну вот что, сегодняшней день – не вчерашний. Ты был вором и в силу ряда известных тебе причин был также моим другом. Но, я повторяю, сегодняшней день – не вчерашний. И если ты опять вернешься к старому, то будешь вором, но и только!

Саид резко вскочил, не в силах совладать с отчаянием, которое охватило его теперь со всей беспощадностью. Однако он заставил себя сесть и, стараясь казаться спокойным, предложил:

– Раз так, подыщи мне подходящую работу.

– Что ты называешь подходящей? Говори – я тебя слушаю.

Усмехнувшись в душе, Саид сказал:

– Ну, например, предложи мне работу у себя в газете. Я человек грамотный, когда-то был твоим учеником. Под твоим наблюдением прочел горы книг. Ты ведь сам не раз говорил, что у меня большие способности...

Рауф так яростно замотал головой, что на его густой черной шевелюре испуганно запрыгал отраженный свет люстры.

– Сейчас не время для шуток. Ты никогда не занимался журналистикой, к тому же только вчера вышел из тюрьмы. Нет, видно, я просто даром на тебя трачу время.

– Так что же, значит, заняться каким-нибудь жалким ремеслом?

– Честное ремесло не может быть жалким.

На смену отчаянию пришла пустота. Он обвел взглядом богатую красивую залу и горько усмехнулся.

– Как это благородно, когда богачи учат нас жить в бедности...

Вместо ответа Рауф взглянул на часы. Саид заторопился. – В самом деле, я отнял у тебя бездну времени. Рауф откровенно просиял:

– Что поделаешь, уйма работы.

– Спасибо, – сказал Саид. – И за теплый прием спасибо, и за ужин, и за доброту твою.

Рауф вытащил из кармана бумажник, вытянул две бумажки по пять фунтов каждая и протянул их Саиду.

– Утешься. И не сердись на меня, я и вправду занят. Тебе сегодня просто повезло, что застал меня.

Саид взял деньги, улыбнулся, пожал Рауфу руку, пожелал успеха и вышел.

Так вот он каков, Рауф Альван. Вот она истина без прикрас – зловонный труп, не засыпанный землей. Другой Рауф, прежний, исчез без следа, как вчерашний день, как любовь Набавии или верность Илеша. Меня не проведешь. Красивые слова?.. Хитрость. Улыбки?.. Скривленные губы. Щедрость?.. Простое движение руки. Если б это было удобно, он не пустил бы меня на порог. Сам меня создал, и сам же от меня отступился. Легко и просто изменил своим идеям, после того как я стал их воплощением. И вот теперь я стою как потерянный, и мне не на что надеяться, и некуда податься, и никому я не нужен. Подлец, предатель... Даже если б гора Мукаттам сейчас обрушилась тебе на голову, и тогда, кажется, мне не стало бы легче. Интересно, а сам с собой наедине признаешься ли ты в своей измене? Или и душу свою обманываешь, так же, как пытаешься обмануть других? Неужели никогда, даже ночью, не тревожит тебя совесть? Хотел бы я заглянуть к тебе в душу, как заглянул сегодня в твой дом с зеркалами и статуэтками. Впрочем, и там я нашел бы, наверное, только измену. Нашел бы Набавию в облике Рауфа, или Рауфа в облике Набавии, или, может, ни того и ни другого, а Илеша Сидру. И Измена призналась бы мне, что среди всех земных подлостей она – самая гнусная... Представляю, как они переглядывались за моей спиной – эти настороженные, тревожные, похотливые глаза. Как у кошки, когда она, подкрадываясь на брюхе, несет с собой смерть беспечной птахе. А потом боязнь упустить удобный момент взяла верх над стыдом и колебаниями, и Илеш Сидра сказал ей где–нибудь в переулке Сайрафи, а может, и у меня дома: «Выдадим его полиции, и дело с концом». И мать твоей дочери промолчала. И губы, что столько раз горячо шептали мне: «Люблю... Ты мой единственный мужчина», на этот раз безмолвствовали. И я, которого сам черт не мог перехитрить, попал в западню в переулке Сайрафи. И посыпались пинки и удары. А теперь ты, Рауф. Даже не знаю, кто из вас подлее. Да нет, пожалуй, все-таки ты. Мудрец и книжник. Это ты довел меня до тюрьмы, а сам поселился во дворце из света и зеркал. Или ты, может, забыл свои огненные речи о хижинах и дворцах? Но я-то их хорошо помню...

Дойдя до моста Аббас, он опустился на каменную скамейку и тут только подумал: «Куда же я иду?» И, словно обращаясь к темноте, громко сказал:

– Чем скорей, тем лучше... И сейчас же, сразу, пока он не успел опомниться.

И нечего тут раздумывать. В конце концов, это твое ремесло, и оно не менее справедливо и законно, чем всякое другое. В особенности когда обращается против того, кто создал подобную философию. А я, когда разделаюсь с негодяями, найду, где укрыться. Разве могу я забыть прошлое и жить и дышать одним воздухом с Набавией, Илешем, Рауфом? Если бы я мог, наверное, мне было бы легче! И не маячила бы впереди виселица. Но что за жизнь, если не сведены счета? А прошлого мне не забыть, хотя бы по той простой причине, что для меня оно не прошлое, а настоящее. Работа? Налет этой ночью будет лучшим началом моей работы. И добыча будет жирной.

В темные воды Нила стрелами вонзался свет береговых фонарей. Кругом было спокойно и тихо. И чем ближе подступал рассвет, тем ниже клонились к горизонту звезды. Он встал, потянулся и двинулся вдоль реки туда, откуда недавно пришел. Он ступал не спеша, старательно обходя слабые огни немногих фонарей, что еще горели в этот предрассветный час. Завидев вдали виллу, открытую с трех сторон, он пошел еще медленнее. Внимательно оглядел улицу, ограды соседних домов, берег... Дом, казалось, сомкнул веки, и безмолвные призраки-деревья, как часовые, стерегли его сон. Измена почивала с безмятежным спокойствием, которого совершенно не заслуживала. Ничего, богатая добыча скоро с лихвой вознаградит меня за всю обманутую жизнь. Он неторопливо пересек улицу, стараясь не привлекать внимания, завернул за угол и пошел вдоль ограды по переулку, зорко всматриваясь в темноту. Убедившись, что вокруг никого нет, быстро нырнул к ограде, под тень жасмина и сирени, и застыл. Если в доме есть собака – хозяин, разумеется, не в счет, – она разразится лаем. Но все было тихо. Ну, Рауф... Сейчас твой ученик облегчит тебе немного бремя благ мирских. Он просунул руки сквозь плотную паутину ветвей, легко и привычно, как обезьяна, уцепился за край ограды, подтянулся и ловко перенес тело через острые зубцы. Очутившись в зарослях по ту сторону, на мгновение замер, переводя дыхание: надо привыкнуть к этой гуще мрака и кустов. Ты влезешь на крышу и оттуда проникнешь в дом. У тебя нет с собой ни отмычки, ни карманного фонаря, и ты не имеешь ни малейшего представления о том, как расположены комнаты. Ведь Набавия не стирала в этом доме белье и не работала служанкой.

Набавия теперь помогает Илешу. Он яростно поморщился, отгоняя от себя неприятные мысли. Осторожно вышел из кустов и на четвереньках пополз к дому. Ощупывая стены, обогнул его, наткнулся рукой на водосточную трубу и с ловкостью акробата полез наверх. Он думал добраться так до крыши, но по дороге заметил открытое окно и решил рискнуть. Поставил ногу на подоконник. Мягко скользнул на пол. Кажется, это кухня. Как темно. Он принялся искать дверь. Наверное, в комнатах будет еще темнее. Но там деньги, дорогие вещи, и ты должен идти. Ага, вот она дверь... Дело подвигается. До чего же темно, просто хоть глаз выколи. Внезапно он ощутил какое-то слабое дуновение. Ветер? Откуда здесь быть ветру? Гладкая поверхность стены оборвалась, он протянул руку в темноту... Раздался слабый звон, почти шелест. Испуганно замерло сердце. Да это же занавеси из хрустальных подвесок! Значит, он почти у цели. В кармане есть спички... Нет, не нужно... Слегка раздвинув занавес, он проскользнул внутрь, стараясь не издать ни единого звука. Сделал шаг, другой и наткнулся на кресло или на что-то еще. Обошел. Если бы было хоть чуть-чуть светлее! Теперь от этого зависело все. Но его окружал мрак, тяжелый и давящий, как кошмар. Хотя бы на мгновение зажечь спичку!.. И тут его ослепил яркий свет, вспыхнувший со всех сторон. Резкий, внезапный, как смертельный удар. От неожиданности он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел Рауфа. В двух шагах от себя, почти рядом. В длинном, до пола, халате Рауф показался ему огромным, как великан. Одна рука в кармане – наверно, револьвер, ледяной взгляд, от которого мертвящим холодом сжалось сердце, в изгибах рта застыла откровенная ненависть. Молчание, тягостное, как тюремные стены. «Опять к нам? Что так скоро?» – ехидно скажет тюремный надзиратель.

– Прикажете вызвать полицию? – произнес чей-то металлический голос.

Он обернулся и увидел позади себя трех слуг.

– Ступайте и ждите за дверью, – хрипло приказал Рауф.

Дверь открылась, потом закрылась, и Саид машинально отметил про себя, что верхняя часть ее украшена перламутровой инкрустацией. Какая-то пословица, а может, стих из Корана. И снова его встретил хмурый взгляд, опять он услышал хриплый голос:

– Неужели ты настолько глуп, что думал меня провести?

– Ну нет, со мной такие номера не проходят. Уж кто-кто, а я-то тебя насквозь вижу!

Саид молчал. Он еще не пришел в себя – уж слишком велика была неожиданность. Проиграл... Эта мысль приводила в отчаяние, но вместе с тем в душе крепла уверенность, что на этот раз, как и вчера, он, кажется, избежал ареста.

– Я ждал тебя и был начеку. Я даже знал, откуда ты придешь. Я был бы рад ошибиться, но, видно, ты создан для того, чтобы оправдывать самые скверные предположения.

Саид опустил глаза – под ногами навощенный до блеска пол – и снова молча поднял голову.

– Вижу, говорить с тобой бесполезно. Как был ты подонком, так и остался. И будешь им до конца дней своих. Самое разумное – это передать тебя полиции.

Лицо Саида скривила гримаса.

– Ну, отвечай, – жестко сказал Рауф, – зачем пожаловал?

Саид опять потупился.

– Решил объявить мне войну? Забыл все хорошее, что я для тебя сделал? Позавидовал?.. Что, неплохо я тебя разгадал, а?

Не поднимая глаз от пола, Саид сдавленным голосом произнес:

– Сам не знаю, что со мной происходит. Со вчерашнего дня голова как в тумане.

– Лжешь, да только напрасно. Меня обмануть тебе не удастся. Просто – на просто решил, что теперь Рауф – один из тех богачей, против кого сам боролся, а раз так, то и разговор с ним другой.

– Вовсе даже нет...

– Тогда зачем же ты тайком проник в мой дом? Ограбить! Только за этим!

Саид долго обдумывал ответ.

– Не знаю. Я сейчас сам не свой, и ты мне все равно не поверишь.

– Еще бы! Потому что знаешь, что лжешь, и сам себе не веришь. Возомнил о себе невесть что, обалдел от зависти и, как всегда, потерял голову!.. Нет, хочешь не хочешь, а видно, придется тебе сидеть снова...

Саид сдался.

– Прости меня, это все тюрьма виновата...

– Никакого тебе прощения не будет. Ведь я же все твои мысли читаю! Знаю все, о чем ты думаешь. Все! До единого слова! Нет, теперь-то я уж передам тебя полиции...

Саид умоляюще поднял руку.

– Не надо...

– Ах, не надо?! А разве ты этого не заслуживаешь?

– Заслуживаю, но только все равно не надо! Рауф сердито засопел.

– Еще раз попадешься мне – раздавлю, как букашку! Саид облегченно вздохнул, рванулся к двери.

– Верни деньги! – раздалось сзади.

На мгновение он оторопел, потом вынул из кармана две смятые бумажки, и тот, другой, взял их у него, процедив:

– Вон отсюда!

...И снова он шел по берегу Нила. Уцелел? Как будто бы так. Но радость от сознания, что и на этот раз сошло, омрачалась мыслью о поражении. Вдыхая сырой предрассветный воздух, он с удивлением подумал, что, кроме двери с инкрустациями и навощенного пола, так и не успел ничего разглядеть в комнате, где попался. Э, да ладно!.. И он отдался на милость росистой прохлады, забыв на время даже о двух бумажках, с которыми пришлось расстаться.

Высоко над головой в утреннем небе догорали последние звезды...

V

Завсегдатаи кофейни – их было немного – повскакали со своих мест, не веря глазам.

– Смотри, кто пожаловал!

– Подумать только! Вот радость-то!

Обступили, бросились обнимать, целовать. Хозяин кофейни, Тарзан, подскочил первым. Саид с благодарностью пожал каждому руку.

– Спасибо, муаллим Тарзан, спасибо, братцы...

– Давно вышел?

– Позавчера.

– Мы так и думали: к празднику выпустят.

– Слава тебе, Господи.

– Ну а остальные?

– Помаленьку, все в свое время...

Муаллим Тарзан наконец увел его к себе, усадил на диван, попросил остальных выйти, и в кофейне водворился прежний покой. Все тут осталось без перемен. Казалось, он был здесь только вчера. Та же круглая комната, тот же медный столб, деревянные стулья с плетеными соломенными спинками. Те же немногие посетители, сидящие по углам.

Так же попивают чай и заключают сделки. За широким окном и распахнутой дверью по обе стороны дома – простор, бескрайний, бесконечный. Безбрежное море мрака – ни лучика света. И тишина, которую только изредка нарушает доносящийся издалека хохот. Легкий ветерок пролетел от окна к двери и принес с собой сухой и чистый воздух пустыни. Саид взял из рук мальчика – слуги стакан чаю, не дожидаясь, пока он остынет, отхлебнул и наклонился к Тарзану.

– Ну, как идут дела?

Тарзан недовольно скривил губы.

– Не на кого стало положиться.

– А что?

– Дармоеды! Можно подумать, они на государственной службе...

Саид фыркнул.

– Во всяком случае, дармоеды лучше, чем предатели.

– Из-за одного вот такого предателя я и сел...

– Ну? Саид прищурился.

– Будто не знаешь? Муаллим Тарзан отрицательно помогал головой. Саид наклонился к его уху.

– Мне нужен хороший револьвер!

– Пожалуйста! – с готовностью откликнулся Тарзан. Саид благодарно хлопнул его по плечу и смущенно добавил:

– Только вот нечем мне... Но Тарзан не дал ему договорить.

– Не хватает еще, чтоб ты извинялся! Саид вздохнул с облегчением и принялся за свой чай. Потом встал и подошел к окну невысокий, худой, упругий. Ветер раздувал полы его пиджака, как парус. Он глядел в темную пустоту. Песчинки звезд рассыпаны по небу. На пригорке за дверью кофейни тоже зажглись звездочки: любители темноты и свежего воздуха закурили. Где-то вдали, на западе, у самого горизонта, мерцают огни Аббасии. Только глядя на них, понимаешь, как далеко забралась в пустыню эта маленькая кофейня островок в безбрежном океане, самолет в бескрайнем небе. Он высунулся из окна, и до него долетели голоса сидевших на пригорке. Торопливо пробежал мальчик-слуга, неся наргиле, раскаленные угли с треском разбрасывали искры. Оживилась беседа, громче зазвучал смех, и чей-то молодой разомлевший голос произнес:

– Нет, вы покажите мне такое место на земле, где было бы спокойно!

А другой задорно возразил:

– Да хоть бы вот здесь. Разве нам сейчас не спокойно?

– Вот именно – сейчас! В том-то все и дело.

– А чем плохо, когда тревожно? По крайней мере хоть забываешь о том, что будет завтра.

– Значит, покой и мир тебе не по душе?

– Когда знаешь, что тебя ждет виселица, бежишь от такого покоя без оглядки!

– Это к делу не относится! Тут уж пусть тебе палач поможет разобраться!

– Ну да! Здесь-то вы горазды болтать, в темноте да в пустыне. А каково запоете в городе?

– Да вся беда в том, что враг наш – он же нам и приятель.

- А я скажу тебе, все несчастье в том, что наш приятель – нам враг.
- Попросту говоря, мы сами трусы.
- Может, и так. Да только разве в наше время остались смелые люди?
- Ничего подобного, смелость – во все времена смелость.
- А смерть – во все времена смерть.
- Так же как ночь и пустыня!

Ну и разговор! Ничего не понял. И все-таки эти слова задели какую-то струну в душе. Неясную и загадочную, как тайны этой ночи. И ты тоже когда-то был молод и пылок. И вино энергии пьянило сердце. И ты взял револьвер как борец – не как убийца. Вон там, за этим пригорком, на котором стоит кофейня, молодые парни в поношенной одежде, но с чистыми сердцами учились стрелять. А тот, кто живет теперь в вилле под номером восемнадцать, был у них главным. Стрелял сам, и учил их, и изрекал истины: «Револьвер важнее хлебной лепешки, Саид Махран! И важнее молитвенных песнопений, на которые ты ходишь с отцом!» А однажды вечером он спросил: «Ты знаешь, Саид, что нужно человеку в этой стране?» И, не дожидаясь ответа, сказал: «Револьвер и книга. Револьвер, чтобы рассчитаться с прошлым, и книга, чтобы обеспечить себе будущее. А потому учись стрелять и читай!» А его лицо, ты помнишь его лицо, когда он хохотал в студенческом общежитии? «Неужели украл? Не побоялся? Ну молодец! Ничего, узурпаторам только на пользу, когда немного облегчат их грехи.

Ты имел на это полное право, Саид, можешь не сомневаться!» И пустырь этот знает, на что ты способен. Твои пули без промаха били в цель. Про тебя говорили, что ты – сама смерть.

Он подставил лицо свежему ветру и зажмурился. Чья-то рука легла ему на плечо. Он обернулся: муаллим Тарзан протягивал ему револьвер.

- Стреляй своих врагов, и да поможет тебе Аллах... Он взял оружие, осмотрел его, попробовал курок.

– Сколько я тебе должен, муаллим Тарзан?

– Дарю!

– Да нет! Я надеюсь разбогатеть с твоей помощью!

– Сколько же раз для этого надо выстрелить?

Они снова сели на диван. Из-за двери донесся звонкий женский смех.

Тарзан ухмыльнулся.

– Это Нур, помнишь ее? Саид поглядел в темноту.

– По-прежнему сюда ходит?

– Так, иногда. Увидит тебя – обрадуется.

– Кого-нибудь подцепила?

– Еще бы! Теперь у нее фабриканта-кондитера сынок! Муаллим окликнул мальчика-слугу.

– Ну-ка позови сюда Нур!

Пусть зайдет. Посмотрим, что сделало с ней время. Как она тебя когда-то добивалась! Но твое сердце безраздельно принадлежало другой, изменнице. Когда стремишься к тому, кто к тебе глух, что может быть тяжелее? Это все равно как соловьиная песня, обращенная к камню, или ласковое дуновение ветерка, разбивающееся об острые зубцы ограды. Даже ее подарки ты отдавал той, что теперь зовется Набавия Илеш. Он стиснул зубы и потрогал револьвер в кармане. В дверях показалась ничего не подозревавшая Нур. Увидела его, растерянно застыла на месте. Он пристально ее разглядывал и улыбался. Похудела. Лицо покрыто толстым слоем пудры. Узкое белое платье вызывающе обтягивает фигуру, юбка выше колен, бесстыдно обнаженные плечи. Коротко подстриженные волосы растрепало ветром. Кинулась к нему, сжала руку.

– Как я рада...– И засмеялась нервным смехом, скрывая волнение.

– Как поживаешь, Нур?

Она опустилась на диван между ним и Тарзаном. Тарзан улыбнулся:

– Как видишь, она все такая же. А Нур сказала:

– Я-то хорошо, а ты как? Выглядишь как будто неплохо. Но глаза? Ты на кого-то зол, я вижу...

Он усмехнулся:

– Не понимаю!

– Ну, я не знаю, как тебе объяснить... Какой-то яростный взгляд, и на губах угроза...

Он рассмеялся, а потом сказал с сожалением:

– Сейчас твой кавалер за тобой заедет...

Она задорно тряхнула головой, смахивая со лба непокорную прядь:

– Ну и что? Он такой растяпа!

– Не важно. Все равно, ты теперь не свободна... Она хитро взглянула на него.

– Хочешь, я пошлю его ко всем чертям?

– Только не сегодня. Как-нибудь в другой раз, мы еще встретимся.– И уже серьезно добавил: – Говорят, неплохой кусок, а?

– И даже очень! Собираемся поехать на его машине в пустыню, к гробнице Мученика. Он любит там бывать.

Саид насторожился, и от нее это не скрылось.

– Говоришь, любит бывать в пустыне у гробницы Мученика?

Веки ее встревоженно вздрогнули. Она подняла глаза, встретила с ним взглядом и, встревожась еще больше, с укором сказала:

– Вот видишь! Тебе нужна совсем не я! Но он как будто вовсе и не заметил обиды в ее голосе:

– Почему? Ты славная...

– Нет, тебе нужен мой богатый ухажер... Он усмехнулся:

– А я думаю о вас обоих сразу... Она испугалась.

– Если это откроется, я пропала. Отец его большой человек, да и родственников у него уйма! Тебе что, нужны деньги?

– А еще больше машина!

Он ласково ущипнул ее за щеку.

– Веди себя как ни в чем не бывало. Ничего ужасного не случится, и никто о тебе ничего не подумает. Я же не ребенок. А после этого мы будем очень часто встречаться, даже чаще, чем ты думаешь.

VI

Он стороной обошел казармы и углубился в пустыню, торопясь скорее добраться до цели. Аббасия была хорошо знакома ему еще с прежних времен, и теперь он шел уверенно, как по компасу. Завидев черневший при звездном свете круглый купол гробницы, осмотрелся. Где-то здесь. Пристально вглядываясь в темноту, стал обходить гробницу. Машины не было. Наконец у южной стороны он различил черный силуэт. Он решительно двинулся вперед, потом пригнулся и, уже крадучись, подобрался ближе. До слуха долетел прерывистый шепот и какие-то неясные звуки.

Очень сожалею, но придется нарушить ваше уединение. Сейчас на смену восторгу придет испуг. Что поделаешь, в этой жизни все радости недолговечны. «У нас хорошие намерения, но нам не хватает организованности», – говаривал, бывало, Рауф Альван. Он подкрался еще ближе и осторожно взялся за ручку автомобильной дверцы. Ощутил на лице жар от двигателя, с силой рванул ручку.

– Ни с места!

Испуганный вскрик. Два застывших от неожиданности силуэта. Он навел на них дуло револьвера.

– Одно движение, и я буду стрелять! Выходите! Жалобный голос Нур:

– Умоляю...

И голос мужчины, сиплый, скрипучий, как будто горло у него забито песком:

– В чем дело? Что вам угодно?

– Вылезайте!

Схватив в охапку одежду, Нур выскочила из машины. Ее спутник, спотыкаясь, последовал за ней, на ходу натягивая брюки. Сайд приставил пистолет к его виску.

– Не надо, не стреляйте! – плачущим голосом закричал тот.

– Деньги! – коротко потребовал Сайд.

– Они там, в пиджаке!

Сайд грубо подтолкнул Нур к машине.

– Достань!

Охнув, она повиновалась:

– Только, ради всего святого, не стреляйте!

– Давай пиджак!

Быстро вынул бумажник и швырнул пиджак владельцу.

– Уноси ноги, покуда цел!

Не оглядываясь, тот бросился в темноту.

Саид вскочил в машину, включил зажигание. Мотор взревел, и машина рванулась с места. Нур приводила в порядок свой туалет.

– Хоть и ждала я тебя, а все-таки здорово напугалась!

Ведя машину на предельной скорости, он буркнул:

– Выпей, может, успокоишься.

Она протянула ему бутылку, он отхлебнул глоток, отдал ей. Она тоже отпила немного.

– Бедняжка! У него даже колени дрожали...

– Добрая ты женщина, Нур. А я вот не люблю фабрикантов.

Нур откинулась на сиденье и многозначительно сказала:

– Ты вообще никого не любишь!

Нашла время кокетничать! Он ничего не ответил. Машина неслась в сторону Аббасии.

– Нас могут увидеть вместе, – жалобно проговорила Нур.

Он и сам об этом подумал. Свернул на извилистую улицу, которая вела в квартал Дарраса, немного сбавил скорость.

– Я зашел к Тарзану, чтобы раздобыть револьвер и договориться с кем-нибудь из знакомых шоферов такси. Кто бы мог думать, что мне так повезет с машиной!

- Вот видишь, я всегда тебе помогаю!
- Верно. А на этот раз ты была просто неподражаема. Почему бы тебе не стать актрисой?
- Но я вначале по-настоящему испугалась!
- А потом?
- Потом я, по-моему, вошла в роль, и он так ничего и не понял...
- Он так перетрусил, что ему было не до подозрений! Она повернулась к нему:
- А зачем тебе револьвер и машина?
- Для дела...
- Ты с ума сошел? Давно ли ты вышел из тюрьмы?
- Ну, позавчера...
- И опять за старое?
- А тебе легко расстаться со своей профессией?

Она не ответила, уставившись в темноту, туда, где под фарами машины блестела дорога.

За поворотом ночь как будто стала еще темнее и гуще: дорога вплотную подошла к горе.

- Ты вот не знаешь,– вкрадчиво сказала Нур,– сколько я плакала, когда узнала, что тебя посадили!
- Сколько? Она обиделась.
- Опять ты со своими насмешками!

– Да я вовсе не смеюсь! Я тебе верю: у тебя доброе сердце.

– Зато у тебя вообще нет сердца...

– А оно по инструкции осталось в тюрьме.

– Нет, ты и в тюрьму попал уже без сердца!..

Вот привязалась: сердце, сердце... Спросила бы лучше ту, которая мне изменила, или друзей-предателей, или дочь, что меня оттолкнула...

– Ничего, когда-нибудь и я найду свое сердце...

– А где ты ночевал? Жена твоя знает, где ты?

– Не думаю.

– Ты поедешь домой?

– Вряд ли... Во всяком случае, не сегодня.

– Поедем ко мне! – попросила она.

– А ты живешь одна?

– Да. Улица Нагмуддин, за кладбищем.

– Номер.

– Там один дом. Внизу контора по продаже джута, а позади кладбище.

Он не удержался от смеха.

– Ну и местечко ты себе выбрала! Она тоже рассмеялась:

– А меня там совсем не знают. Никто ко мне никогда не приходил. Ты будешь первым... Я живу на самом верху...

Она ждала, что он скажет, но он молчал, сосредоточив все внимание на дороге, которая пролежала между горой и домами. И среди них дом

шейха Али Гунеди. В конце квартала он остановил машину и повернулся к Нур:

– Здесь я тебя высажу.

– А разве ты со мной не пойдешь?

– Я приду потом.

– Куда ж ты денешься в такую поздноту?

– Слушай. Ты сейчас прямо отсюда пойдешь в полицейский участок. Расскажешь там все, что случилось, слово в слово, как будто ты ни при чем. Опиши меня, только, разумеется, совсем наоборот: толстый блондин, на правой щеке шрам... Скажешь, что я увез тебя силой. Ну, изнасиловал, что ли.

– Изнасиловал?

Он даже не улыбнулся.

– Скажешь, что все это случилось в пустыне Зенхом, что я по дороге выбросил тебя и угнал машину.

– А ты потом придешь?

– Приду. Слово мужчины! А ты сумеешь в участке сыграть свою роль так же хорошо, как в машине?

– Постараюсь...

– Прощай.

И машина умчалась.

Предел удачи – если удастся убить обоих сразу. И Набавию и Илеша. А тогда остается только свести счеты с Рауфом Альваном и бежать. Может быть, и за границу. Да, но с кем останется Сана?.. Острая колючка, вонзившаяся в сердце... Тобою руководит не разум, а чувство. Ты должен выждать, устроить свои дела и потом налететь внезапно, как коршун. Нет, ждать не имеет смысла. За тобою следят. С того самого момента, как ты вышел из тюрьмы. А теперь, после истории с этой машиной, слежка усилится... В бумажнике сынка фабриканта оказалось всего несколько фунтов. И это тоже не предвещает удачу. Нет, надо нанести удар немедленно, не откладывая, иначе все пропало. А с кем останется Сана?.. Острая колючка, вонзившаяся в сердце. Оттолкнула меня, и все же мысль с тоской возвращается к ней снова и снова. Может быть, ради тебя оставить в живых твою подлую мать? Отвечай, я должен решить это сейчас же. Он бродил в темноте вокруг дома в квартале Сиккат аль-Имам, оставив машину в конце улицы у крепости. Торговые лавки закрыты. На улице ни души. Никто его как будто не ждет. В такой час все живое прячется в норы. Он, наверное, и не подозревает, что я как гром среди ясного неба явлюсь сводить с ним счеты. А может быть, он начеку, ждет? Но все равно, это меня не испугает. Даже если Сана останется сиротой. Потому что, господин Рауф Альван, предательство – это большая гнусность... Сжимая в кармане револьвер, он посмотрел на окно. И чтобы в этой жизни легче дышалось живым, подлецов надо выкорчевывать с корнем. Крадучись вдоль стены, он подошел к подъезду. Проскользнул внутрь и, затаив дыхание, стал подниматься по лестнице. В непроглядной тьме миновал первый этаж, потом второй, третий. Вот она, дверь, за которой укрылись самые отвратительные помыслы и низменные страсти. Если я постучу, интересно, кто мне откроет? Набавия? И не притаился ли где–нибудь легавый? Мерзавцам не уйти от пули, даже если мне придется силой вломиться в дом. Надо действовать, и притом не медля ни минуты. Какой позор, Саид Махран уже два дня на свободе, а Илеш Сидра до сих пор жив...

Ты сумеешь улизнуть. Так бывало десятки раз. В считанные секунды ты можешь взобраться на крышу и прыгнуть с третьего этажа на землю целым и невредимым. Стоит тебе захотеть, и у тебя вырастут крылья... Только как ни крути, а в дверь постучать придется, хотя стук может привлечь внимание. Особенно сейчас, глубокой ночью. Набавия поднимет крик, всех перебудит, сбегутся все эти негодяи, примчится

лежавый. Нет, лучше разбить стеклянный проем в верхней части двери. Он думал об этом еще в машине по дороге сюда и, вынув револьвер, сквозь решетку рукояткой ударил по стеклу. Посыпались осколки, и звон их прозвучал как сдавленный крик в ночи. Он прижался к двери и, держа пистолет наготове, застыл в ожидании, напряженно вглядываясь в темноту коридора. Сердце учащенно билось. Голос: «Кто там?» Мужской голос. Голос Илеша Сидры. Он узнал его, несмотря на то, что в висках стучало до боли. Дверь слева слегка приоткрылась. Слабый луч света, и в нем неясный силуэт человека. Вот он неуверенно направился к входной двери. Саид нажал курок. Короткий выстрел, резкий, как визг злого духа. Вскрик. И снова выстрел, настигший уже падающее тело. И снова крик – пронзительный крик ужаса и мольбы о помощи – Набавия! «И до тебя дойдет очередь, от меня не уйдешь. Я сам дьявол!» – злорадно отозвался он, уже сбегая по лестнице. Кубарем скатился вниз, на мгновение остановился, чтобы перевести дыхание, и незаметно выскользнул на улицу. Спокойным шагом пошел прочь. До слуха долетел стук распахиваемых ставней, тревожные голоса, какие-то восклицания... Вот наконец и машина. Он рывком открыл дверцу и сел. От площади в сторону улицы Сиккат аль-Имам бежал полицейский. Саид быстро нырнул на дно машины. Полицейский протопал мимо. Тогда он осторожно вылез, сел за руль и, не теряя времени, поехал прочь. На обычной скорости обогнул площадь; крики еще не утихли. Впрочем, он слышал их еще долго, даже когда отъехал и уже не мог их слышать. В полном оцепенении он вел машину, не понимая, куда и зачем едет. Убийца... Но еще остается Рауф Альван, этот утонченный предатель. Пожалуй, он-то поважнее Илеша Сидры и опаснее его. Убийца. Я стал убийцей. Перешел в иную категорию. И судьба у меня теперь будет иной. Раньше я похищал ценности, теперь буду похищать подлые людские души. «И до тебя дойдет очередь, от меня не уйдешь. Я сам дьявол». Только ради Саны я пощадил тебя. Но я найду для тебя кару пострашнее. Ты будешь бояться смерти и жить в вечном страхе, не зная ни минуты покоя, покуда я жив. Улица Мухаммеда Али. Он сидел за рулем и все ехал, ехал куда-то. Теперь имя убийцы у всех на устах. Участь убийцы – скрываться, стараясь избежать виселицы. Нет, нет, палач не спросит меня: «Какое твое последнее желание?» Придется им повременить с этим вопросом.

Наконец он стряхнул с себя оцепенение. Машина почти миновала улицу Армии и приближалась к Аббасии. Удивительное дело! Его опять невольно привело к этому опасному месту. Он резко

развернулся, дал газ и в несколько минут достиг моста. У первого же перекрестка остановил машину, спокойно вылез и, не оглядываясь по сторонам, пошел прочь. Он шел неторопливо, словно прогуливался. На смену недавнему нервному напряжению пришла пустота и тупая боль. Сейчас ночь, но мне некуда идти. И не только сейчас. А Нур? Но у нее появляться рискованно, особенно сегодня... И этот мрак будет продолжаться вечно...

VIII

Он толкнул дверь во двор дома шейха, и она легко подалась. Он вошел, притворил дверь. Снова тот же некрытый двор, та же пальма, такая высокая, что кажется, будто верхушка ее упирается в звезды. Вот где хорошо прятаться. Каморка шейха, погруженная во тьму, открытая, как всегда. Можно подумать, его здесь ждали. Он тихо переступил порог и услышал невнятное бормотание, из которого уловил только слово «Аллах». Наверно, шейх не заметил, как он вошел, а может, сделал вид, что не заметил. Он тихонько пробрался в свой угол, туда, где были сложены его книги, и, как был, в пиджаке и ботинках на каучуке, с револьвером в кармане, опустился на циновку. Вытянув ноги, лег, опираясь на локти, и откинул назад голову, чувствуя во всем теле смертельную усталость. Голова гудит как пчелиный улей. И некуда деться.

Вспомни еще и еще раз треск выстрела и крик Набавии и снова радуйся, что не услышал испуганного голоса Саны. Надо бы поздороваться с шейхом, но почему-то внезапно пропал голос. А еще думал, что засну как мертвый, стоит только приклонить голову к земле. «...От которого задрожат те, что страшатся Господа своего, но при упоминании имени Аллаха смягчатся их сердца...» Когда же спит этот удивительный человек? Но «удивительный человек» вдруг проговорил нараспев какую-то загадочную, одному ему понятную фразу и громким голосом на всю комнату изрек: «И прозрели их сердца, и слепота сковала им очи». Саид не удержался от улыбки, на мгновение даже забыв обо всех своих несчастьях. Вот почему он меня не заметил. Да я и сам себя почти не замечаю. Спокойную тишину ночи вдруг нарушил

крик муэдзина. И он вспомнил другую ночь, когда тоже не спал до рассвета, и так же кричал муэдзин, и он предвкушал что-то радостное, что должно было произойти на следующий день,— он уже не помнит, что именно. И как он, услышав тогда голос муэдзина, встал, довольный, что избавился наконец от томительной бессонной ночи, и выглянул в окно навстречу голубому рассвету и улыбавшейся заре, полный радостного ожидания чего-то хорошего, о чем он уже забыл. И он навсегда полюбил рассвет за этот напев муэдзина, за голубизну небес, улыбку наступающего утра и ощущение теперь уже забытой радости. И вот снова настает рассвет, а он от усталости не может даже потрогать револьвер в кармане. Шейх стал готовиться к молитве, зажег светильник – он по-прежнему не обращал на Саида никакого внимания. Расстелил молитвенный коврик, уселся и тут только спросил:

– А ты не будешь молиться?

Он не ответил – от усталости даже язык перестал ему повиноваться. Уже засыпая, сквозь затуманенное сознание он увидел, как шейх начал молиться. Ему снилось, что он в тюрьме и его, несмотря на примерное поведение, стегают плетью. И он кричит, униженно и жалко. Потом его начали поить молоком. Потом он увидел малышку Сану. Она под лестницей хлестала кнутом Рауфа Альвана. Потом он услышал, как читают Коран, и понял, что кто-то умер. Потом он увидел себя в машине. За ним гнались, но в моторе что-то испортилось, и ему пришлось отстреливаться во все стороны. Но вдруг из радиоприемника в машине выскочил Рауф Альван и, прежде чем он успел выстрелить, схватил его за руку и вырвал пистолет. И тогда Саид Махран во сне закричал: «Если хочешь, убей меня, но дочь моя ни в чем не виновата! Это не она хлестала тебя кнутом под лестницей, а ее мать, Набавия, которую подговорил Илеш Сидра!» Потом он увидел себя в кругу молящихся у шейха Али Гунеди. Он пришел сюда, чтобы скрыться от погони, и шейх осуждающе спросил его:

«Кто ты такой и как ты среди нас оказался?» И он сказал: «Я Саид Махран, сын твоего верного мюрида[3 - Мюрид – последователь, ученик.]» – и напомнил шейху про пальму во дворе, и про плод домы, и про счастливые былые дни. Но шейх вдруг потребовал у него пропуск. Саид удивился и сказал, что мюриду пропуск ни к чему и что в религии и праведники, и грешники равны, но шейх сказал, что он не любит праведников. И тогда Саид показал ему свой револьвер и сказал, что

каждая недостающая пуля – убитый человек, но шейх упорно требовал пропуск, говоря, что правительство дало очень суровые установки на этот счет. И Саид снова удивился: с какой стати правительство вдруг стало вступать в дела религии? И тогда шейх сказал, что это сделано по предложению уважаемого господина Рауфа Альвана, кандидата на высшую духовную должность. И Саид в третий раз удивился и сказал, что Рауф – самый обыкновенный предатель и преступник, но шейх ответил, что именно поэтому его и прочтат на эту высокую должность. Ведь это он обещал дать Корану новое толкование, согласно которому для каждого откроются возможности, соответствующие его покупательной способности. А доходы от изданий Корана поступят в фонд строительства клубов – клуба фехтования, клуба охотников, клуба самоубийц. И тогда Саид сказал, что он готов быть казначеем в департаменте по новому толкованию Корана, а Рауф Альван поручится за него как за самого способного из своих учеников. И тут шейх прочел суру Победы, на пальме зажглись фонари, и один из молящихся пропел: «О жители Египта, счастливы вы, приютив у себя Хусейна[4 - Хусейн – сын имама Али, внук пророка Мухаммеда. По преданию, могила его находится в Египте.]...»

Он открыл глаза. Все вокруг было в каком-то нелепом красном тумане. Потом он увидел шейха. Тот сидел скрестив ноги, спокойный, неподвижный, ослепительно белый борода, рубаха, шапочка... Услышав, что Саид завопил, шейх все так же спокойно поглядел в его сторону. Саид смутился и поспешно сел. Ярким светом вспыхнули воспоминания о событиях минувшей ночи.

– Скоро уже вечер, – сказал шейх, – а ты ничего не ел...

Саид посмотрел на окошко, снова перевел взгляд на шейха и растерянно повторил:

– Скоро вечер...

– Да. Я сказал себе: «Не буду его будить, Всевышний посылает нам свои дары, когда пожелает...»

Он встревожился: а что, если кто-нибудь видел, как он проспал тут целый день?

– Во сне я слышал, что сюда заходили люди...

– Ничего ты не слышал. Но тут были люди. Один принес поесть, другой подметал, полил кактус и пальму и побрызгал двор водой к приходу молящихся. Он насторожился.

– А когда они придут, владыка?

– К заходу солнца. А ты когда пришел?

– На заре... Наступило короткое молчание. Шейх провел рукой по бороде:

– Ты очень несчастен, сын мой!

– Почему? – тревожно спросил он.

– Ты спал долго, но и во сне ты не был спокоен. Ты словно ребенок, без присмотра брошенный на солнцепеке. Ему жарко, хочется в тень, а он идет по жаре. Неужели ты еще не научился правильно ходить? Саид потер покрасневшие веки.

– Как-то не по себе становится, когда подумаешь, что тебя видели спящим...

– Кто не видит, что происходит вокруг, для того происходящее не существует, – невозмутимо произнес шейх.

Саид осторожно потрогал в кармане револьвер. А что, если вдруг взять да и прицелиться в шейха, что он сделает? Какая сила на свете способна поколебать его спокойствие?

– Ты голоден? – снова спросил шейх.

– Нет. Ему показалось, что шейх слабо улыбнулся.

– Если верно, что Всевышний делает нас нищими, верно и то, что он дарует нам богатство.

– Вот именно «если»! – И насмешливо добавил: – Что бы ты сделал, владыка, если бы имел несчастье быть женатым на такой женщине, как моя жена, и если бы родная дочь оттолкнула тебя?

В чистых глазах шейха мелькнуло сострадание.

– Пути Всевышнего неисповедимы... Прикуси язык, он тебя предаст и все выболтает. Тебе хочется во всем сознаться. А старику, наверное, это вовсе ни к чему... Он и так, должно быть, обо всем догадывается. Он все видит, все знает.

Под окном раздался крик газетчика. Саид быстро выбежал, позвал его, протянул деньги и, взяв газету «Сфинкс», вернулся. Шейх был забыт. Глаза впилась в жирный черный заголовок через всю страницу: «Зверское убийство в районе крепости». Он пробежал заметку и ничего не понял. Может, это какое-то другое убийство? Нет, вот его портрет, а рядом портреты Набавии и Илеша Сидры. Так кто же в таком случае убит? Подробно изложена вся его история – позор, разнесенный по свету, как пыль, когда дует ветер хамсин. Человек вышел из тюрьмы и обнаружил, что жена его стала женой другого – его сообщника... Но все-таки кто же убитый? Ничего не понимаю. Надо прочесть все сначала. Надо понять, кто тобой убит, кого настигла твоя пуля. Что такое? Убитый совершенно незнакомый тебе человек, ты впервые видишь его на портрете. Читай еще раз. Стало быть, Набавия и Илеш Сидра съехали с квартиры в тот самый день, когда ты побывал там в присутствии легавого и прихвостней Илеша, а на их место вселилась другая семья. Наверно, перекупили у Илеша контракт с хозяином дома. Значит, голос, который ты слышал, принадлежал не Илешу. И кричала вовсе не Набавия. И убит человек по имени Шаабан Хусейн, рабочий из лавки скобяных изделий на улице Мухаммеда Али. Саид Махран пришел, чтобы убить свою жену и старого приятеля, а вместо этого убил нового постояльца Шаабана Хусейна. Один из соседей заявляет, что, услышав выстрелы и увидев, как Саид Махран выходит из дома, он стал звать полицию, по голос его потерялся в общем шуме. Какая чудовищная несправедливость, какое бессмысленное злодейство! Тебе угрожает виселица, а Илеш Сидра цел и невредим. Вот она, истина, страшная, как пустота обворованной могилы. Он с трудом оторвался от газеты. Шейх Али Гунеди смотрел сквозь окошко на небо и чему-то улыбался. Саиду вдруг стало страшно и на мгновение захотелось проследить за взглядом шейха. Может, и он увидит на небесах нечто

такое, что вызывает улыбку? Ну и ладно! Пусть. Пусть его улыбается, пусть видит то, что недоступно взорам других. Да, но скоро придут мюриды и тебя могут узнать – ведь многие видели твой портрет в газете. Тысячи людей сейчас рассматривают твое лицо, иные с удивлением, иные со страхом, иные с тайным звериным удовольствием. А ты ни за что убил человека и теперь скрываешься от погони и будешь скрываться до конца дней своих. Одинокий, вынужденный бояться даже собственного отражения в зеркале. Живой труп. Ты будешь перебегать из норы в нору, как мышь, которой угрожает яд, и кошки, и палки. А враги твои будут злорадствовать. Шейх повернулся в его сторону и ласково сказал:

– Устал ты... Встань, умойся. Он скомкал газету.

– Я сейчас уйду и избавлю тебя от своего присутствия. – Здесь твой приют, – мягко сказал шейх.

– Верно, но, может, у меня есть и другой приют, кроме этого...

Шейх опустил голову.

– Если бы это было так, ты не пришел бы ко мне. Уйди в горы и жди, пока не настанет ночь. Не выходи до темноты. Избегай света и радуйся ночному мраку. Какая усталость, а все ради чего? Ради того, чтобы убить Шаабана Хусейна. Кто ты, Шаабан? Я тебя не знаю, и ты меня никогда не встречал. Есть ли у тебя дети? Думал ли ты когда-нибудь, что будешь убит человеком, который тебе незнаком и который сам тебя в глаза не видел? Убит ни за что. Убит, потому что Набавия Слиман вышла замуж за Илеша Сидру. Убит по ошибке пулей, которая предназначалась другому. Я убийца, но я ничего не понимаю. И даже сам шейх Али Гунеди не способен здесь ничего понять. Я бы рад хоть что-нибудь понять, но эта задача мне не по силам.

– Как ты устал, – снова повторил шейх.

– Жизнь утомительна.

– Да, иногда мы так говорим, – согласился шейх. Саид встал и пошел к двери. – Прощай, владыка!

– Бессмысленные слова, – возразил шейх, – скажи: «До свидания!»

IX

Как темно. Впору превратиться в летучую мышь. И этот запах подгоревшего масла, несущийся из дверей. Когда же наконец вернется Нур? И одна ли она вернется? Сколько времени нужно, чтобы забыть обо всем? Смогу ли я у нее так долго находиться? Наверное, ты думаешь, Рауф, что избавился от меня навеки? Как бы не так! С этим револьвером и способен на многое, вот только не изменила бы удача. Он поможет мне разбудить тех, в ком уснула совесть. Это они во всем виноваты. Они создали Набавию, Илеша, Рауфа и им подобных.

Ему послышалось, что кто-то поднимается по лестнице. Так и есть. Он заглянул в пролет и увидел, как вдоль стены движется слабый огонек. Должно быть, это Нур зажгла спичку. Она медленно поднималась, тяжело ступая со ступеньки на ступеньку. Надо дать ей знать, что я здесь, а то еще, чего доброго, испугается от неожиданности. Он кашлянул и в ответ услышал испуганное «Кто там?».

Он перегнулся через перила и прошептал:

– Это я, Саид Махран...

Шаги заторопились. Он слышит ее учащенное дыхание. Спичка погасла. И вот Нур уже рядом, он чувствует ее руку на своем плече.

– Ты?.. Боже мой!.. Ты давно ждешь? – Голос ее прерывается – то ли от радости, то ли от быстрой ходьбы.

Отперла замок, втощила его за собой, зажгла свет. Длинный пустой коридор. Сбоку – дверь. Небольшая квадратная комната.

Нур бросилась к окну, распахнула его настежь в комнате стояла страшная духота. Он повалился на кушетку и жалобно сказал:

– Я пришел еще в полночь. Ждал тебя, ждал, чуть не состарился...

Она сбросила с другой кушетки напротив гору каких-то тряпок и села.

– По правде говоря, я уже не надеялась, что ты придешь...

Их усталые взгляды встретились, и он улыбнулся, стараясь скрыть внутреннее равнодушие.

– Почему? Я же дал честное слово... Она слабо усмехнулась:

– Вчера в полиции меня совсем замучили. Все допытывались, где машина.

Он скинул пиджак и остался в грязной, пропотевшей рубашке.

– Решил ее бросить, хотя она мне и была еще нужна. Ее найдут и вернут владельцу. На то и власти, чтобы одних воров защищать от других.

– Что ты вчера натворил? – тревожно спросила она.

– Да ничего. В свое время узнаешь. Он поглядел в окно и глубоко вздохнул:

– По-моему, окно выходит на север? Хорошо здесь дышится...

– До самого Баб ан-Наср пустырь. Тут кладбище... Он улыбнулся:

– Так вот откуда свежий воздух..., С какой жадностью она на тебя смотрит. А тебе скучно и вместо того, чтобы утешить ее, ты думаешь о своем утешении. Возвращаясь к прерванному разговору, она спросила:

– Ты долго ждал?.. Так досадно получилось... Он испытующе поглядел на нее:

– Теперь я останусь у тебя надолго.

Она встрепенулась от радости:

– Хоть навсегда... Он мотнул головой в сторону окна:

– Вот именно, пока не поселюсь по соседству. Она не слышала, думая о чем-то своем.

– А дома о тебе не будут беспокоиться? Он поглядел на свои ботинки:

– У меня нет дома...

– Да нет, я говорю о твоей жене... О моем страдании. О безумии и пуле, истраченной понапрасну. Ждешь от меня унижительного признания. И увидишь, что теперь стало еще труднее проникнуть в душу, которая была закрыта для тебя прежде. Но какой смысл лгать, когда газеты обо всем уже раззвонили?

– Я же тебе сказал: у меня нет дома... Задумалась. Глаза заблестели от радости. А мне отвратительна твоя радость. И я вижу, что под глазами у тебя морщины.

– Развелся? Он с досадой махнул рукой.

– Еще давно, когда был в тюрьме... Слушай, давай не будем об этом...

– Дрянь! – злобно сказала она. – Таких, как ты, положено ждать, даже если они осуждены на вечную каторгу.

А ты – хитрая. Но таким, как я, не нужна жалость. Не смей меня жалеть. Пулю вот жалко – сгубила невинного человека...

– Ну, положим, я сам перед ней во многом виноват...

– Все равно она тебя не стоит. Вот это верно. И никакая другая женщина тоже. Но она полна жизни, а ты стоишь над пропастью. Слабое дуновение – и ты погаснешь. И я не испытываю к тебе ничего, кроме жалости.

– Меня никто не должен здесь видеть...

Она засмеялась, обрадованная, что наконец-то его заполучила.

– Я спрячу тебя так, что никто не найдет...– И вкрадчиво спросила: – А ты ничего не натворил?

Он презрительно дернул плечами.

– Я приготовлю тебе поесть.– Она встала.– У меня всего полно. А помнишь, как сухо ты со мной обращался раньше?

– Мне было не до любви.

Она бросила на него укоризненный взгляд:

– Разве есть на свете что-нибудь важнее любви? Я говорила себе: у него каменное сердце. И все-таки, когда тебя посадили, никто по тебе так не убивался, как я...

– Наверное, потому я к тебе и пришел. Она рассердилась:

– Да ты же встретил меня случайно!.. Небось даже забыл о моем существовании!

Он притворно нахмурился.

– Думаешь, мне некуда больше пойти?

Ей стало его жалко. Она подошла, погладила его по щеке и, извиняясь, сказала:

– «Дразнить зверей запрещается!» Я совсем об этом забыла. Как у тебя горит лицо! И все обросло щетиной... Что, если тебе принять холодный душ?

Он улыбнулся. Против душа он не возражал.

– Тогда марш в ванную! А я пока накрою на стол. Ужинать будем в спальне, там как-то уютней. И окно там тоже выходит на кладбище...

Х

Могилы, могилы до самого горизонта... Надгробия словно руки, простертые к небесам в мольбе и страхе, хотя им-то уж, кажется, нечего бояться. Город молчания и истины. Перекресток, где сходятся все пути счастливых и неудачников, убитых и убийц. Обитель, ставшая вечным приютом и для полицейских и для воров, в первый и последний раз мирно почивших рядом... Нур безмятежно похрапывает и, видно, не проснется уже до утра. И в этой тюрьме я буду сидеть, пока обо мне не забудет полиция. Вопрос только в том, забудет ли она?.. Смерть это тоже измена, измена жизни, а могилы затем, чтобы оставшиеся в живых помнили об измене. Но я и так не забываю... Набавия, Илеш, Рауф... Впрочем, после того нелепого выстрела я и сам подобен мертвецу. А ведь предстоит стрелять еще, и не один раз...

Позади раздался громкий зевок, почти стон. Он обернулся. Нур сидела на постели – полуголая, встрепанная, растерянная. Увидела его, облегченно вздохнула:

– Мне приснилось, что тебя опять нет и я как безумная тебя жду...

– Это только во сне, – мрачно отозвался он, – а наяву все наоборот: ты уходишь, а я тебя жду.

Она вышла в ванную, потом вернулась, вытирая на ходу лицо и мокрые волосы. Принялась краситься. Он пристально разглядывал ее. Совсем другое лицо стало: веселое, молодое. Она ему ровесница – под тридцать, но, чтобы казаться моложе, идет на прямой обман. Сколько глупостей и подлостей делают люди в открытую. А вот воруют почему-то втихомолку. И это очень жаль. Он проводил ее до дверей.

– Не забудь про газеты...

Вернулся в комнату, повалился на кушетку. Один, в полном смысле этого слова. Даже книги и те остались у шейха Али Гунеди. От нечего делать стал разглядывать матовый, в трещинах потолок – будто перевернутое зеркало, в котором отражается скучный, бесцветный ковер. В окно виден кусок тусклого неба, которое время от времени прорезает стая голубей. Сана... Как она перепугалась. Вспомнишь – и

больно становится, как при виде могил. Не знаю, доведется ли нам еще когда-нибудь встретиться. Да и где? Нет, в этом мире нелепых выстрелов тебе не дадут меня любить. Как часто в жизни мечты, словно неверная пуля, пролетают мимо цели, оставляя только следы досадных промахов. Начать хотя бы с того, первого промаха возле общежития студентов по дороге в Гизу. В конце концов, Илеш тебе никто, случайный человек, и о нем жалеть не стоит. Но Набавия, эта женщина, овладевшая всем твоим существом!.. Если бы Измена, как сыпь, проступала на лице, уродство не могло бы рядиться в личину красоты. Сколько сердец избежало бы тогда бессмысленного обмана! Перед домом общежития была бакалейная лавка, и Набавия с корзинкой шла за покупками, опрятная, а для служанки, пожалуй, даже нарядная. Такою ты узнал ее, служанку старой турчанки, что жила в конце улицы, занимая одна целый дом с большим садом. Богатая чванливая старуха, которая требовала, чтобы всякий, кто имел с ней дело, был красив, аккуратен и опрятно одет. И Набавия всегда была гладко причесана, с длинной, до пояса, косой, в туфельках без задников; просторная рубашка облегалась молодое, полное кипучей жизни тело. И даже те, кто не был заморожен ею, как ты, находили, что она красива истинной крестьянской красотой: круглое лицо, румяные полные щеки, светлые карие глаза, короткий толстый носик, губы, трепетно ждущие наслаждений, на подбородке темная мушка-родинка. Закончив работу, ты выходил из дома к подъезду и смотрел в конец улицы, нетерпеливо поджидая, когда же наконец покажется знакомая фигурка. И вот она появляется и приближается своей милой походкой, и с каждым шагом в твоей душе растет непередаваемо прекрасное чувство, которое, подобно сладкой музыке, сопровождает само ее появление, и ты, как пьяный, не отрываясь, глядишь на нее, и следишь за каждым ее движением, и ни на миг не теряешь ее из виду в толпе. Она заходит в лавку, потом выходит, и ты чувствуешь, что стал любить ее еще больше и должен ее о чем-то спросить или хотя бы как-то дать о себе знать: что-нибудь сказать, кивнуть, крикнуть – все равно! А потом она скрывается из виду, и ты понимаешь, что день кончен и впереди долгая ночь, и ты вздыхаешь, и опьянение понемногу проходит, и почему-то замолкают птицы на деревьях, и вдруг кажется, что наступила осень. И однажды ты замечаешь, что под твоими взглядами она как будто сильнее обычного покачивает бедрами и что она не прочь пококетничать, и ты срываешься с места и бежишь за ней. И конечно, не рассчитав, обгоняешь ее, а потом уже на краю поля, возле одинокой пальмы, оборачиваешься и – откуда только взялась смелость

– преграждаешь ей путь. И она пугается, естественно или притворно, и говорит: кто вы такой? А ты прикидываешься удивленным и говоришь: разве вы не знаете? Я тот, чьи глаза знают каждый изгиб вашего тела, а она сердито говорит: я не люблю нахалов. И ты говоришь: я, вроде вас, их тоже не люблю и, наоборот, люблю людей воспитанных, красивых, ласковых. И вы как раз такой человек. Теперь вы знаете, кто я такой. Позвольте, я понесу вашу корзину и провожу вас до дома. А она говорит: не нужна мне ваша помощь и не стойте на дороге. И идет дальше, а ты рядом, ободренный едва заметной улыбкой, которую она тут же спрятала, притворно нахмутив брови. Но все равно ты уже заметил ее, эту улыбку, легкую, как свежий ветерок, первый предвестник утра среди сумрака ночи. И она сказала: иди обратно, хватит, а то моя госпожа сидит на балконе и может нас увидеть. А ты сказал: я упрямый и один не пойду, давай вернемся вместе, немного, вон до той пальмы, я должен с тобой поговорить. Да почему бы и нет, разве я тебе не пара? А она замотала головой, но все-таки замедлила шаг и сердито проворчала что-то, но все-таки замедлила шаг и капризно изогнула шею, но все-таки замедлила шаг... И ты понял, что она к тебе тоже равнодушна и прекрасно видела, как ты стоял и вздыхал у дверей студенческого – общежития, и ты вдруг подумал, что мимолетные взгляды на дороге грозят превратиться во что-то такое, что перевернет жизнь и тебе и ей, и что вообще вся жизнь станет враждебнее и опаснее, и ты сказал: до завтра, и остался стоять, где был, опасаясь, как бы ей не попало от злобной старой турчанки, которая жила в конце улицы, никому не понятная и загадочная. А потом ты пошел обратно и, дойдя до пальмы, от радости вскарабкался на нее, как обезьяна, и с трехметровой высоты прыгнул на землю – там еще рос редис. Потом ты вернулся в общежитие и во весь голос затянул песню, ревя, как бык, взбесившийся от радости. А когда волей судеб ты попал на работу в бродячую церковную труппу Зията и скитался из города в город, то, боясь, как бы не оправдалась поговорка «с глаз долой – из сердца вон», сказал ей: давай поженимся и будем жить, как все люди. И вы еще стояли тогда у входа в мечеть, в которой ты никогда ничего не крал, а многие дураки крали, и вокруг было темно, а на небе у самого горизонта висел огромный месяц. И она обрадовалась и опустила глаза, и в лунной свете блеснул ее низкий лоб, и ты сказал: у меня доходная работа, и я скоро разбогатею. Я живу в квартале Дарраса, это по дороге в горы. Чистый домик с земляным полом, и недалеко живет шейх Али Гунеди; когда мы поженимся, ты его узнаешь. А мы должны пожениться, и чем скорее, тем лучше, ведь мы уже так давно любим

друг друга, пора тебе уйти от своей старухи. А она сказала: я сирота, и у меня никого нет, кроме тетки, которая живет в Сиди-Арбаин. А ты сказал: тем лучше, и поцеловал ее при лунном свете. А потом была свадьба, такая веселая, что о ней долго еще говорили, и Зият подарил тебе целых десять фунтов, и Илеш Сидра ходил такой счастливый, что казалось, будто это он женится, а не ты, и прикидывался верным, преданным другом, а на самом деле вовсе не был тебе другом, и просто удивительно, как я мог в нем так ошибиться, вроде бы я совсем не дурак, самого черта могу перехитрить. Я ходил как герой, а он был моим рабом, смотрел на меня обожающими глазами, пресмыкался, боялся невзначай чем-нибудь рассердить, подбирал крохи с моего стола и ждал моих подачек, и я думал, что, пошли я его с Набавией хоть в пустыню, где бродил пророк Моисей, и то я буду там у него перед глазами и он не посмеет прикоснуться к ней пальцем, да и как придет ей в голову забыть льва и отдать предпочтение собаке, но оказалось, что она просто грязная дрянь, от природы такая, убить ее мало; вот только бы пули не ошибались и не попадали в невинных людей, вместо того чтобы убивать подлецов и мерзавцев, а ты потом, страдаешь и мечешься в бессильной злобе и чуть не сходишь сума. Забудь о том хорошем, что было.

И про первую ночь, проведенную вместе, тоже забудь, и про то, как мальчишки играли тогда во дворе, и любовь была чистой, ничем не омраченной, и как потом родилась Сана, и ты в первый раз увидел ее личико, и услышал ее крик, и взял ее на руки, тоже в первый раз; и ее улыбки, которых ты не считал, а зря, и весь ее облик, и если бы ты только мог забыть ее испуганный крик, который проник тебе в самую душу и умертвил все теплое и светлое, что там было..

Уже стало темно, и в комнате темно, и на улице, и еще сильнее давит молчание могил. А ты не можешь зажечь свет, потому что, пока не вернулась Нур, все в доме должно оставаться, как прежде. Но ничего, можно потерпеть, терпел же ты в тюрьме и терпел недавно эти гнусные рожи; хорошо бы выпить, но тоже нельзя: твою возню могут услышать, а в доме должна быть мертвая тишина, как в могиле. Даже мертвые не должны подозревать о твоём присутствии, и одному Аллаху известно, как тебе удастся выдержать эту новую тюрьму и до каких пор ты обречен здесь сидеть. Он-то знал, что ты убьешь Шаабана Хусейна вместо Илеша Сидры. Нет, рано или поздно ты все равно выйдешь побродить хотя бы ночью, хотя бы по самым безопасным местам. Но

лучше отложим это до тех пор, пока полиция в бесплодных поисках не высунет язык. А ты моли Аллаха, чтобы Шаабана Хусейна не хоронили на этом кладбище здесь старый район, и ему не под силу груз таких жестоких смертей. Ты жди. Жди, пока вернется Нур, и перестань спрашивать, когда же она вернется. Привыкай к темноте, к молчанию, к одиночеству ведь жизнь как будто не собирается изменять своим дурным привычкам. Нур тоже несчастна, и чувство ее к тебе, в конце концов, тоже дурная привычка, а в тебе страдания и злоба убили все другие чувства, и ее любовь тебе неприятна так же, как и ее увядающая красота, и ты не знаешь, что тебе делать, разве что пить с горя да жалеть ее бедняжка, так старается... Но все-таки она – женщина, и ты не должен про это забывать, и Набавия тоже женщина, только трусливая и вероломная, и страх за свою жизнь все равно убьет ее еще прежде, чем у тебя на шее захлестнется петля виселицы или сердце пронзит предательский свинец и полиция будет порочить твое имя, а Сана ничего о тебе не узнает, и никто ей не расскажет про то, как ты ее любил. Вот и получается, что и в этой любви ты тоже промахнулся, как и в...

Он незаметно заснул и, только проснувшись, понял, что спал. По-прежнему один, в темноте, в квартире Нур на улице Нагмуддин. И никакой Илеш Сидра здесь не появлялся и в него не стрелял. И неизвестно, который теперь час. Тут он услышал, как в замке повернулся ключ, хлопнула входная дверь, и в коридоре зажегся свет. А вот и Нур – улыбается, под мышкой большой сверток. Подошла, поцеловала.

– Принесла кучу всяких вкусных вещей, сейчас устроим пир...

Он нее пахло вином.

– Ты пила?

– Что поделаешь, издержки производства... Я только помоюсь, минутку... Вот тебе газеты.

Он проводил ее взглядом и впился в газеты. Утренние, вечерние... Ничего нового, но интерес к преступлению и к тому, кто его совершил, оказался значительно сильнее, чем он думал. Особенно старается газета Рауфа Альвана «Захра». С трогательной подробностью повествует о

его воровском прошлом, детально расписывает налеты, о которых шла речь еще на суде, перечисляет ограбленные им дома богачей. И о нем самом написано немало: и про то, что он-де маньяк и что дерзость грабителя довела его до убийства. А какие огромные заголовки. Тысячи людей обсуждают сейчас историю его преступлений, смакуют пикантные подробности измены Набавии и заключают пари о его дальнейшей судьбе. Еще бы, он стал сенсацией. Страшно! Но вместе с тем он испытывает какую-то тщеславную гордость. Небывалое волнение охватывает его, мысли начинают беспорядочно путаться, легкий дурман пьянит голову. Ничего, он еще себя покажет. Если бы они только знали, о чем он тут думал, один, в тишине. Он выйдет победителем, пусть даже и после смерти. Один против всех, ну и что? Они ведь не знают, о чем думает человек наедине с самим собой. Не знают, что он думает о них, и не подозревают, глядя на эти фотографии, что глаза им лгут и речь идет вовсе не о каких-то чужих, незнакомых людях, а о них самих. Он умиленно посмотрел на портрет Саны, потом перевел взгляд па остальные снимки. Вот он сам – какое-то зверское выражение лица, а вот Набавия, которая вышла похожей на проститутку. И снова он смотрит на портрет Саны... Смеется... Да, да, смеется, потому что не видит его и ничего не знает. Не отрываясь, он смотрит на ее портрет, как будто гипнотизирует ее взглядом, и вдруг понимает, что все напрасно, и слышит, как за окном печально вздохнула ночь. Если бы украсть Сану и уехать в такое место, где никто его не знает. Или напоследок, перед виселицей, увидеть ее еще хоть раз. Он встал, подошел к кушетке напротив, где в ворохе тряпья лежали ножницы, и аккуратно вырезал портрет. Когда Нур вышла из ванной, он уже почти совсем успокоился.

Нур позвала его в спальню, и он покорно пошел, удивляясь, как это она принесла ему все новости, а сама до сих пор ничего не знает. Увидел стол, ломившийся от еды, – Нур не поскупилась – и почувствовал, как сильно он проголодался. Сел рядом с ней на тахту и ласково потрепал ее по мокрым волосам.

– Вот это, я понимаю, женщина! Не чета другим... Она повязала голову красной косынкой и принялась разливать вино в бокалы, все время улыбаясь его словам. Освеженная купанием, как человек, отведавший простой, но здоровой пищи, смуглая теперь уже без следов косметики на лице, – гордая от сознания, что он наконец с ней, хотя бы и

ненадолго, она сидела рядом, спокойная, умиротворенная, и на душе у него тоже стало спокойно и бездумно.

– И это говоришь ты? – Она бросила на него недоверчивый взгляд. – Я иногда думаю, что скорее можно дождаться милости от полиции, чем от тебя...

– Да нет же, я правда по-настоящему доволен, что я с тобой...

– Честное слово?

– Можешь мне поверить. Твоя доброта обезоруживает...

– Так почему же она не обезоруживала тебя прежде? Да, видно, победа, одержанная без труда, не способна вытравить из памяти горечь поражения.

– Раньше? Раньше у меня не было сердца. – А теперь?

Он поднял свой бокал.

– Давай-ка лучше выпьем...

Они с удовольствием принялись за еду.

– Ну а что ты без меня делал? – спросила Нур. Он повертел куриную косточку в тарелке с соусом.

– Сидел в потемках, смотрел на могилы... У тебя кто-нибудь здесь похоронен?

– Нет, мои все на кладбище в Блина... Помолчали. Нур, гремя тарелками, принялась убирать со стола.

– Я вот тебя о чем хотел попросить, – заговорил он. Купи-ка мне материи на офицерский мундир.

– Зачем?

– А я в тюрьме научился шить, разве ты не знаешь?

– Ну а мундир тебе зачем? – В голосе ее звучала тревога.

– Считай, что меня призывают...

– Ты что, не понимаешь? Я не хочу потерять тебя снова.

– За меня бояться нечего, – сказал он и сам удивился своей уверенности. – Если б не предатель, они бы меня и тогда не схватили.

Она только вздохнула.

– Ну хорошо, – сквозь зубы процедил он, – а разве тебе самой никогда ничто не угрожает? – И улыбнулся: – Ну, например, какой-нибудь бандит в пустыне?

Она не удержалась от смеха. Потом прижалась, поцеловала.

– Пожалуй, ты прав! Чтобы жить, надо забыть о страхе.

Он кивнул головой на окно: – И даже о смерти?

– Ой, что ты говоришь? – испуганно воскликнула она, но тут же задорно добавила: – А вообще-то я и о ней забываю, когда судьба сводит меня с тем, кого я люблю.

И он снова с удивлением подумал, какое у нее большое и горячее сердце, и поразился ее упорству, и почувствовал к ней признательность и жалость.

...Около лампы, не прикрытой абажуром, кружилась ночная бабочка.

XI

Дня не проходит, чтобы кладбище не принимало новых постояльцев. Можно подумать, весь смысл жизни для тебя теперь в том, чтобы

прятаться за жалюзи и подглядывать за этой ни на миг не прекращающейся упорной работой смерти. Но если кто действительно заслуживает жалости, так это те, кто провожают покойников. Приходят толпами, плачут, а похоронив, глядишь, уже утерли слезы, болтают как ни в чем не бывало. Должно быть, какая-то сила, более могучая, чем смерть, убеждает их, что надо жить дальше. Вот так же хоронили и твоих близких. И отца твоего. Добрый старый Махран, сторож в студенческом общежитии... Честный и неприхотливый работяга. С малых лет ты помогал ему в работе, и хоть жили вы бедно и трудно, но каждый вечер, бывало, кончался счастливым отдыхом в маленькой лачуге с земляным полом, что стояла во дворе общежития. Отец с матерью мирно беседуют, а ты играешь. Отец был набожным человеком, и вера учила его не роптать на жизнь. Студенты его уважали. Единственным домом, куда он ходил, был дом шейха Али Гунеди. Он-то и показал тебе туда дорогу. «Пойдем со мной. Саид, я отведу тебя туда, где ты забудешь про свои глупые игры и поймешь, как сладка жизнь, освященная небесной благодатью, и сердце твое обретет покой, а сердечный покой – это редкий дар». Шейх ласково поглядел на тебя, а ты бесконечно удивился его белоснежно-седой бороде. А потом он сказал отцу: «Так вот он, твой сын, о котором ты мне говорил? Глаза у него смышленные, а сердце доброе. Иншалла[5 - Если угодно будет Аллаху (араб.)], хорошим будет человеком». И тебе очень понравился шейх Али Гунеди, понравилось его красивое лицо и добрые лучистые глаза. И еще тебе понравились молитвенные песнопения, нашедшие отклик в твоём сердце, еще не тронутым любовью... И однажды Махран сказал шейху: «Научи этого малого уму– разуму», и шейх, наклонившись, внимательно заглянул тебе в глаза и сказал: «Мы учимся всю жизнь, но ты начни с того, что научись строго относиться к самому себе. И пусть все, что ты делаешь, будет на пользу под ям». И ты честно старался следовать его совету, но тебе это окончательно удалось, только когда ты стал настоящим вором. Дни летели незаметно, и однажды Махрана, отца твоего, вдруг не стало. Ты был тогда еще мал и не мог понять, что такое смерть. Да вряд ли и сам шейх Али Гунеди мог бы объяснить тебе ее загадку. «Горе нам, горе... умер твой отец...» – причитала и вопила мать, а ты тряс головой и спросонья тер глаза, разбуженный посреди ночи ее криком в каморке с земляным полом. И плакал, понимая свое бессилие. Вот тогда-то и проявилось благородство Рауфа Альвана, студента с юридического факультета. Он во всем был благороден, и ты любил его так же, как и шейха Али Гунеди. а может, даже больше. Его хлопотами тебя взяли

сторожем вместо покойного отца, вернее, взяли вас с матерью. И ты, совсем еще мальчишка, начал работать и приносить деньги в дом. А потом не стало и матери. И Рауф Альван, конечно, помнит, что с тобой творилось, когда она заболела, тот страшный день, когда у нее случилось кровотечение и ты кинулся в ближайшую больницу. Это была больница Сабера, стоявшая, как неприступная крепость, в роскошном саду. Ты помнишь, как вы с матерью очутились в вестибюле, который подавил тебя своим величием. Казалось, все вокруг гнало вас прочь, но матери была необходима помощь врача, к тому же самая срочная. И тебе назвали какое-то медицинское светило – он как раз вышел в эту минуту из комнаты, – и ты со всех ног бросился к нему, бессвязно лопоча: «Там кровь... мать...» Но он только окинул стеклянным взглядом твою рубаху и сандалии, покосился на кресло, где чернела фигура матери, и, не сказав ни слова, исчез. Там еще стояла медицинская сестра-иностранка, наблюдавшая всю эту сцену, и она подошла к тебе и что-то залопотала – что именно, ты не понял, но по тону ее догадался, что она тебе сочувствует. И хоть был ты мал, но разозлился, как взрослый, и разразился проклятьями и бранью, схватил стул, швырнул его об пол, сломал спинку. На шум сбежались служители, и через секунду вы с матерью уже были на улице, под деревьями. А через месяц после этого мать умерла в госпитале Каср аль-Айни[б - Каср аль-Айни – государственный госпиталь в Каире.]. Умирая, она все держала тебя за руку и не сводила с тебя глаз. А еще через месяц ты совершил кражу, первую кражу в своей жизни. Обокрал одного студента в общежитии. Он догадался, что это ты, но доказать не мог и в злобе накинулся на тебя с кулаками. Но тут появился Рауф Альван, вырвал тебя из его лап и мигом все уладил. Нет, он все-таки был человеком, Рауф, и даже больше – он был твоим учителем. Когда вы остались с ним одни, он тебе сказал: «Не волнуйся, я-то, во всяком случае, считаю, что подобные кражи абсолютно справедливы. – Но тут же добавил: – Только помни, что полиция будет, вечно у тебя на хвосте. И какие бы убедительные доводы в свою защиту ты ни приводил, судья будет к тебе беспощаден. Ведь он тоже защищает себя. Но, в сущности, разве это не справедливо, когда ты крадешь, чтобы вернуть себе то, что было украдено у тебя другими? Разве это справедливо, что я должен учиться вдали от своей семьи и каждый день терпеть лишения, голод и муки?..» Куда же девалась теперь твоя былая мудрость, Рауф? Ее нет. Умерла, как у мер ли мои отец и мать, как умерла верность моей жены.

А потом тебе пришлось оставить работу в студенческом общежитии и искать себе заработок в другом месте. И ты стоял и ждал Набавит возле одинокой пальмы на краю поля, а когда она появилась, бросился к ней и сказал: не бойся, я должен тебе кое-что сказать, я уезжаю, я должен найти себе хороший заработок. И еще сказал: я тебя люблю, не забывай меня, я люблю тебя, и буду всегда любить, и сумею сделать тебя счастливой, и у нас будет богатый дом... В те далекие дни огорчения легко забывались, обиды прощались, и все казалось простым и легким. А вы, могилы, у топающие во мраке, не смейтесь над моими воспоминаниями...

Он поднялся и сказал в темноту, обращаясь к Рауфу Альвану так, будто видел его перед собой.

– Если бы ты, мерзавец, взял меня к себе в газету редактором, я бы напечатал свои мемуары и от твоего фальшивого блеска не осталось бы и следа...

И, помолчав немного, вслух спросил самого себя:

– Неужели я высижу здесь в темноте до рассвета, пока не придет Нур?

И вдруг им овладело такое нестерпимое желание выйти и побродить в ночи, что все попытки подавить это желание мгновенно рухнули, как карточный домик. Он осторожно выбрался из дома и пошел по дороге к заводу, потом свернул на пустырь. Теперь, покинув свое укрытие, он с особой остротой понял, как это тяжело, когда за тобой охотятся. Вот так, должно быть, чувствуют себя мыши или змеи, когда осторожно выползают из своих нор. Один в ночи... Вдали поблескивает огнями враждебно притаившийся город, а ты один и должен испытать свое одиночество до дна.

...Он опустился на кушетку рядом с Тарзаном. В кофейне, кроме них, был только какой-то тип, промышлявший контрабандой оружия, да мальчик-слуга. Завсегдатаи расположились на пригорке. Мальчик принес чай. Тарзан наклонился к Саиду:

– Тебе нельзя нигде оставаться больше чем на одну ночь...

– Уехать тебе надо. В Верхний Египет, к примеру,– сказал контрабандист.

– У меня там никого нет.

– О тебе говорят как о герое, восхищаются,– сказал контрабандист.

Тарзан рассердился.

– А полиция им тоже восхищается, да? Контрабандист затрясся от смеха:

– Ну, полицию ничем не удивишь!

– Еще не родилось то чудо...– пробормотал Саид.

– Красть у богатых – что же в этом плохого? – задорно воскликнул мальчик.

Саид не удержался от улыбки – вот и единомышленник нашелся!

– Если бы только не эти газеты!.. У них язык длиннее, чем веревка у виселицы. Да и что мне толку в людском сочувствии, когда меня ненавидит полиция!

Тарзан вдруг вскочил и бросился к окну. Высунулся, посмотрел по сторонам, потом вернулся на место:

– Вроде бы кто-то заглянул в окно? Или, может, показалось?

Саид тревожно покосился на дверь, потом на окно. Мальчик побежал разузнать, в чем дело, а контрабандист сказал:

– Вечно тебе что-нибудь померещится!

– Заткнись! – обозлился Тарзан.– Виселица – это тебе не шуточки!

Сжимая в кармане револьвер, Саид вышел из кофейни и побрел по пустырю, настороженно вглядываясь и вслушиваясь в темноту. На душе стало еще тревожнее. Одинокий, загнанный зверь... И враги твои,

эта банда презренных трусов, погрязших в похоти, все равно не успокоятся, пока не увидят твой труп. Подойдя к дому на улице Нагмуддин, он заметил свет в окошке у Нур и впервые за весь вечер облегченно вздохнул. Нур спала. Он захотел приласкать ее, но, взглянув на ее лицо, невольно остановился: под глазами крути, веки покраснели и болезненно припухли:

– Что с тобой Нур? – Он присел на край кушетки-. – Ой, я совсем мертвая. Меня так рвало... – Выпила лишнего? Глаза ее налились слезами:

– При чем тут «выпила»? Да я всю жизнь пью... Он впервые видел, как она плачет, и ему стало ее жаль. – Так в чем же дело? – Избили меня.

– Полиция?

– Да нет, какие-то парни, наверное студенты, Я стала с них требовать деньги...

Он явственно ощутил, как внутри у него что-то сжалось.

– Пойди умойся, выпей воды...

– Потом... Сейчас просто сил нет...

– Мерзавцы! – яростно вырвалось у него. Бедная Нур! Он ласково потрепал ее по коленке.

– Я купила тебе материю! – Она кивнула на другую кушетку, Почувствовала ласковое прикосновение его руки и, словно извиняясь, сказала:

– Наверно, сегодня я кажусь тебе такой противной...

– Как тебе не стыдно! Иди умойся и ложись спать. Они замолчали. Где-то у входа на кладбище залаяла собака. Нур тяжело вздохнула.

– Твой путь, говорит, будет усыпан розами.

– Кто это говорит? – удивился он.

– Да гадалка! И настанет, говорит, в твоей жизни мир и покой.

Он посмотрел в окно, в черную пропасть ночи и мрака. Но когда же это будет, когда? – заговорила снова Нур.– Жду, жду, и никакого толку. У меня есть приятельница, старше меня на много лет, так она говорит мне частенько, что мы станем грудой костей и даже собаки не захотят нас жрать...

Ему вдруг показалось, что это говорит не Нур, а кто-то другой – один из тех, кто лежит под могильными плитами. Щемящая тоска сдавила сердце, и он не нашелся что возразить. А она все говорила.

– Когда же сбудется твое предсказание, гадалка? Где они, обещанные тобой мир и тишина? Я хочу спокойно спать, хочу просыпаться радостной, жить, как все люди... Неужели ему, который создал даже небеса, так уж трудно это сделать?

Ты тоже мечтал об этом. А на деле получилось, что ты всю жизнь лазал по водосточным трубам, прыгал с крыш да прятался в темноте. И еще по ошибке убивал невинных людей. Он хмуро сказал:

– Тебе надо поспать...

– Мне надо, чтобы исполнилось гадалкино предсказание. И я знаю, оно все равно исполнится!

– Ну хорошо, хорошо... Она рассердилась:

– Ты успокаиваешь меня, точно я маленькая!

– Да ничего подобного!

– А я все равно знаю – оно исполнится!

Он примерил офицерский мундир. Нур удивленно на него поглядела и не удержалась:

– Я тебя умоляю, будь умницей... Я просто не вынесу, если потеряю тебя снова...

– Не был бы я умницей, не сшил бы себе этот мундир. Он придирчиво осмотрел себя в зеркале и усмехнулся.

– Меньше чем на капитана не согласен....

В ту же ночь она обо всем узнала: увидела его портреты в журнале, у одного из своих клиентов. Ее отчаянию не было предела.

– Ты убил человека? Какой ужас! Ведь я же так тебя просила...

Он пробовал ее успокоить:

– Это произошло еще до того, как мы встретились. Она была безутешна.

– Ты меня не любишь, я это знаю... Но разве не могли бы мы просто быть вместе, пока б ты меня не полюбил?

– Так ведь и сейчас еще не поздно.

– Нет,– сказала она с упрямым отчаянием,– теперь это невозможно... Ты совершил убийство.

Он усмехнулся.

– Убежим – чего уж проще...

– Так чего же мы ждем?

– Пусть немного уляжется эта шумиха. Она топнула ногой.

– Говорят, на всех дорогах выставлены патрули... Можно подумать, до тебя никто никого не убивал...

Ох, эти газеты... Тайная война... Стараясь казаться спокойным, он сказал:

– Стоит мне захотеть, и я убегу...– Он дернул ее за волосы.– Ты еще не знаешь Саида Махрана! О нем все газеты трубят, а ты ему не веришь... Вот увидишь!.. Мы навсегда останемся вместе, и предсказание гадалки сбудется...

На следующую ночь, спасаясь от одиночества, он снова пошел в кофейню Тарзана узнать, нет ли новостей. На этот раз хозяин сам поспешил ему навстречу, увел подальше от дома в пустыню и смущенно сказал:

– Ты уж извини, да только и в кофейне у меня стало небезопасно...

Саид помрачнел.

– А я-то думал, все уже улеглось.

– Какое там! С каждым днем только хуже становится. Газеты подняли такую бучу. Тебе надо скрыться. Но только не вздумай сейчас бежать из Каира. Сайд разозлился:

– Можно подумать, газетам больше не о чем писать, как о Сайде Махране!

– Они столько трезвонили о твоих прежних похождениях, что власти заинтересовались тобой всерьез...– И уже в догонку сказал: – Если хочешь, можем встречаться, только где-нибудь подальше от кофейни.

И снова он вернулся в свою нору к Нур, к своему одиночеству. И бесконечному ожиданию во мраке. Это Рауф, его рук дело. Все газеты уже забыли о тебе, и только «Захра» копается в твоём прошлом и подстрекает полицию. Сделали из тебя чуть Ли не героя. Думают, так скорее схватят. Да, Рауф Альван не успокоится, пока не увидит тебя на виселице. В его руках все – и закон, и полиция.

А ты? Весь смысл твоей жалкой жизни теперь в том, чтобы разделаться со своими врагами. Но Илеш Сидра сбежал неизвестно куда, а Рауф

Альван укрылся в своем дворце за семью замками. Так какой смысл жить, если ты все еще не отомщен? Нет, ничто не помешает тебе покарать собак. Ничто!

И он сказал вслух:

– Нет, ты все-таки скажи мне, Рауф Альван, отчего время ухитряется так подло менять людей?

Студент-бунтарь. Нет, бунт в образе студента. Я сижу во дворе у ног отца, и до меня долетает твой уверенный голос и рождает незнакомое волнение в душе. Ты говоришь об эмирах и пашах, и, точно по волшебству, господа становятся ворами. А вот ты идешь в компании друзей по улице – все в широких галабях, грызете тростник. И голос твой разносится по полю, и пальма склоняется тебе навстречу. И это замечательно, и даже у шейха Али Гунеди я не встречал ничего подобного. Вот каким ты был, Рауф. И только благодаря тебе отец отдал меня в школу. А когда я выдержал экзамены, не ты ли хохотал от радости и говорил отцу: «Ну что, видишь? А ты еще не хотел его учить! Да ты только посмотри, какие у него глаза! Такой далеко пойдет...» И это ты научил меня любить книги и говорил со мной как с равным. И я был среди тех, кто слушал тебя под пальмой, той самой, что стала свидетельницей моей любви. «Народ... Грабеж... Священный огонь... Богатство... Голод... Попранная справедливость...» Когда тебя арестовали, ты поднялся в глазах моих до небес. А когда я впервые украл и ты за меня заступился, ты стал для меня божеством. В тот день ты вернул мне уважение к самому себе. Я помню, как ты сказал с грустью: «Одиночные кражи не имеют смысла, здесь нужен размах и организация». И с тех пор я не расставался с книгой и воровал. А ты выбирал для меня тех, кого стоило грабить. И грабежи принесли мне славу, и я почувствовал себя человеком. Я щедрой рукой раздавал деньги многим и, к сожалению. Илету Сидре тоже. Так неужели человек, живущий теперь в роскошной вилле, и Рауф Альван – одно лицо? Коварная змея, укрывшаяся за газетной шумихой. Значит, ты тоже хочешь моей смерти. Убить меня, как ты уже убил свою совесть. И как убил свое прошлое. Но, прежде чем умереть, я убью тебя сам. Ты – главный предатель. Как глупо погибнуть из-за того, что убил человека, которого даже в глаза не видел! Нет, чтобы жизнь имела смысл и смерть не была напрасной, я должен убить тебя. И пусть это будет последней вспышкой гнева против несправедливости жизни. Те,

что лежат там, на кладбище, за окном, мне сочувствуют. А уж почему – предоставим шейху Али Гунеди ломать над этим голову...

...На рассвете дверь хлопнула – вернулась Нур. Принесла жареного мяса, вина и кипу газет. Она казалась веселой и как будто совсем забыла свои вчерашние огорчения. С ее приходом мрак рассеялся, и захотелось жить и радоваться жизни: есть, пить, узнавать, что в мире нового. Он расцеловал ее, в первый раз без притворства. Если бы она вот так всегда была с ним рядом. Единственный человек, подаривший ему любовь перед смертью. Он откупорил бутылку, налил вина, выпил залпом и почувствовал, как внутри все обожгло.

Она внимательно поглядела в его усталое лицо.

– Почему ты не спал?

Но он, погружившись в газеты, уже не слышал ее.

– Сидеть и ждать в темноте – такое мучение! – сочувственно сказала она.

Он отшвырнул газеты.

– Что слышно?

– Да то же, что и раньше. Сбросила с себя платье и осталась в одной рубашке. До него долетел запах дешевой пудры и пота.

– Люди говорят о тебе как о герое... Если бы они только знали, как мы мучаемся...

– Это потому, – сказал он просто, – что у нас народ не боится воров и не питает к ним ненависти. Некоторое время они молча жевали мясо.

– Но они, – вдруг заговорил он снова, – инстинктивно ненавидят «собак».

Она улыбнулась и посмотрела на свои ногти.

– А я вот люблю собак...

– Да я не про этих.

– Очень люблю...– упрямо продолжала она, – у меня всегда был полон дом собак. А когда последняя из них сдохла, я так плакала, что решила больше никогда не заводить их.

Он усмехнулся.

– Если мы уже и сейчас друг от друга устали, мы не сможем любить друг друга.

– А ты и так меня не любишь и не понимаешь...

– Не надо, Нур,– умоляюще сказал он.– Жизнь так ко мне несправедлива. Не хватает еще, чтобы и ты...

Она выпила несколько рюмок, одну за другой, опьянела и вдруг призналась ему, что настоящее имя ее Шалабия, рассказала пару забавных историй из своего прошлого, когда она жила еще в Блина. Вспомнила детство, тихую жизнь, юность, побег из дома... Потом кокетливо сказала:

– А знаешь, мой отец был старостой...

– Не старостой, а слугой у старосты, – поправил он. Она было нахмурилась, но он поспешно добавил:

– Ты ведь сама мне раньше так говорила.

– Разве? – Она засмеялась. На зубах у нее зеленел прилипший листик петрушки.

– Вот так Рауф Альван стал предателем! – строго сказал он.

Она не поняла.

– Какой Рауф Альван?

– Никогда не лги, сказал он злобно. – Когда человек обречен на одиночество и ожидание в темноте, он не в силах выносить еще и ложь...

ХШ

В полночь он шел по пустыне. На западе, у самого горизонта, в небе висел бледный серп луны. Метрах в ста от пригорка, на котором стояла кофейня, он остановился и три раза свистнул. Он больше не может ждать. Надо нанести удар, или он сойдет с ума. Сейчас Тарзан сообщит ему все новости. А вот и он сам – темная фигура возникла из мрака. Они обнялись.

– Что нового? Толстяк Тарзан с трудом перевел дыхание.

– Наконец-то пожаловал один из них...

– Кто? – нетерпеливо спросил Саид.

– Баяза. Он сейчас в кофейне, заключает сделку...

– Не теряет времени даром... А как он пойдет обратно?

– По горной дороге. Саид крепко пожал ему руку.

– Спасибо, Тарзан. Он повернулся и быстро пошел к востоку, туда, где в слабом лунном свете чернела над рекой роща. Обогнул ее с южной стороны, где роща клином вдавалась в пустыню. Здесь начиналась горная дорога. Он притаился под деревом и стал ждать. Подул сухой приятный ветер, и роща тихо зашелестела. Пустыня тонула в безбрежном мраке. Он сжимал револьвер в кармане и думал о том, что случай неожиданно посылает ему еще одного врага, думал о нелегком деле, которое ждет его впереди, и о смерти, которой все кончится. И он сказал вслух, обращаясь к деревьям, которые, как пьяные, качались под ветром:

– В одну ночь обоих – сначала Илеша Сидру, потом Рауфа... А там будь что будет...

Ожидание оказалось нестерпимым. К счастью, ждать пришлось недолго. Во мраке мелькнула тень – кто-то быстро спускался с пригорка к роще. Когда их разделяло уже не более метра, Саид стремительно выскочил из своей засады.

– Ни с места! – Он выхватил револьвер.

Человек замер как вкопанный. С перепугу он не мог вымолвить ни слова.

– Баяза, – сказал Саид, – мне известно, откуда ты идешь, и я знаю, что у тебя с собой деньги...

Послышался вздох – будто змея зашипела. Баяза поднял руку, неуверенно запротестовал:

– Какие там деньги... Так, гроши...

Он со всего размаху ударил Баязу в лицо. Разрубая слова, прохрипел:

– Ты что, не узнал меня, Баяза, собака?

– Кто это?! – закричал Баяза. – Голос вроде бы знакомый. Не может быть... Саид Махран?

– Ни с места. Сделаешь шаг – пристрелю!

– Меня? Да за что же? Мы ведь с тобой не враги! Саид сунул ему руку за пазуху, нащупал кошель, яростно дернул.

– Это раз.

– Но это мои деньги, – заверещал Баяза. – Мы же с тобой не враги...

– Заткнись! Это еще не все...

– Но ведь мы были друзьями... Саид угрожающе потряс револьвером.

– Если тебе дорога жизнь, говори: где Илеш Сидра?

– Не знаю,– твердо сказал Баяза.– И никто этого не знает...

Новый удар, сильнее прежнего.

– Не скажешь, тут же прихлопну. А вздумаешь врать – не видать тебе твоих денег.

– Да клянусь же, не знаю,– взмолился Баяза.

– Врешь!

– Чем хочешь могу поклясться!..

– Так что же он, растаял, что ли?

– Поверь мне,– убеждал Баяза,– ни я не знаю, никто другой не знает. Вот как пришел ты тогда, он сразу после этого и съехал с квартиры. Боялся, видно. Перебрался в другой квартал...

– Адрес?

– Да дай ты мне договорить... Как убил ты Шаабана Хусейна, он и оттуда переехал со всей семьей и никому не сказал куда. Совсем спятил от страха. Да и жена, говорят, напугалась... Так что, где они теперь, никто не знает.

– Ох, Баяза!..

– Ну клянусь тебе чем хочешь!

Он ударил его в третий раз, Баяза охнул и запричитал:

– За что бьешь, Саид? Да чтоб ему пусто было, где бы он ни жил... Что я, брат ему или отец, чтобы из-за него умирать?

Пришлось поверить. Один, значит, ускользнул. Если бы только за мной сейчас не охотились из-за этого нелепого убийства, можно было бы и

подождать, пока представится удобный случай. Эх, и как я только мог так ошибиться. Теперь все надежды рухнули.

– Обидел ты меня, Саид, – заворчал Баяза. – Ни за что обидел...

Саид молчал.

– Отдай деньги-то... – Баяза потрогал горящую щеку. – Я же тебе дурного ничего не сделал... За что меня обираешь? Нехорошо, Саид, с друзьями так не поступают.

– Ты был с ним заодно, – презрительно процедил Саид.

– Я был его другом и был с ним в доле. Ну так что? Это еще не значит, что я тебе враг. Он тебя предал, а я-то при чем?

Спорить больше было не о чем.

– Мне нужны деньги, – признался Саид.

– Бери сколько хочешь, – поспешно предложил Баяза. Он удовольствовался десятью фунтами, и Баяза ушел, с трудом веря, что уцелел...

И снова он один. Кругом пустыня, месяц в небе стал ярче, и громче перешептываются о чем-то деревья. Да, Илеш Сидра ускользнул, это ясно. Благословенная армия предателей сделала ценное приобретение. А что касается тебя, Рауф, то есть еще надежда, что жизнь моя будет прожита не напрасно.

XIV

Он вернулся домой и около часа ночи вышел снова, одетый в офицерский мундир. Он шел в сторону Аббасии, обходя фонари стороной и напрягая всю свою волю, чтобы казаться естественным и не привлекать внимания. Сел в такси, добрался до моста аль-Гала. При

виде полицейского всякий раз невольно вздрагивал. У лодочной пристани, неподалеку от моста, взял напрокат на два часа маленький ялик и погреб к югу, в сторону виллы Рауфа Альвана. Было свежо, в чистом небе перламутром поблескивали звезды, над берегом поверх деревьев висел ломоть луны. Саид ощущал небывалый прилив сил. Еще немного, и все свершится. Правда, Идет Сидра удрал, но это еще не поражение. У тебя еще есть Рауф Альван, это воплощение Измены, пригревшей Илеша, Набавию и всех прочих предателей. Ну, Рауф, пришло время рассчитывать! Если бы судьей между нами была не полиция, я бы совершил свой суд над тобой в открытую. Пусть видят люди. Ведь они все на моей стороне, – все, кроме истинных воров, конечно, и это меня утешает. Я твоя совесть, которую ты предал. Но мне, как ты говорил, не хватает организованности. Ничего, сегодня я понял многое из того, что прежде мне было непонятно в твоих речах. Да, хотя миллионы людей и разделяют мои мысли, все-таки я один и мне не от кого ждать помощи. Вот в чем несчастье. Одна пуля, конечно, мало что исправит. Но все равно этот кровавый протест будет как нельзя кстати, чтобы мертвецам было спокойнее и чтобы живые не теряли надежды.

Он пристал к берегу недалеко от виллы. Вылез и вытянул из воды ялик, чтобы не унесло течением. Поднялся по склону на набережную. Офицерская форма придавала ему уверенности. Вокруг ни души. Легавых вроде бы тоже не видно. У него отлегло от сердца. Но злоба не утихала. Вилла погружена во мрак, и только у входа горит фонарь. Значит, хозяин еще не вернулся. Тем лучше, не придется забираться в дом. Неторопливо он обошел виллу слева, потом по улице Гизы обогнул ее с; правой стороны и снова вышел на набережную. Надо не упустить ни одной мелочи. Он притаился под деревом, укрытый густой тенью от света уличных фонарей, и стал ждать. Он пристально следил за домом и только изредка, давая отдохнуть глазам, смотрел на темную поверхность реки. Он думал о том, какой предатель Рауф, и о том, что вся жизнь стала жертвой обмана и пошла кувырком, и теперь он конченный человек и его ожидает смерть, и за это он должен убить Рауфа – и непременно его убьет. Мимо проезжали машины, и он всякий раз вздрагивал. Наконец одна остановилась у виллы, сторож распахнул ворота. Саид сорвался с места и, прижимаясь к забору, обежал дом слева. Напротив входа в дом, там, где, по его расчету, Рауф должен был выйти из машины, он остановился. Машина проехала через сад и остановилась у входа. Ярко вспыхнул свет. Саид выхватил

револьвер и прицелился. Дверца машины открылась, и вышел Рауф Альван.

– Рауф! – окликнул он.

Рауф удивленно обернулся.

– Я, Саид Махран... На, получай!

Но, прежде чем он успел нажать на курок, из сада грянул выстрел. Пуля просвистела у него над самым ухом. Этого он не ожидал. Он тоже выстрелил и быстро пригнулся, ожидая ответной пальбы. Потом осторожно выглянул, прицелился получше и снова выстрелил, и еще раз, но уже в спешке, не целясь. А еще через мгновение он бежал что было сил к берегу Нила, туда, где оставалась лодка. Столкнул ее в воду и, налегая на весла, поплыл к другому берегу. Мысли беспорядочно кружились в голове, и он с трудом соображал, что происходит вокруг. Почему-то мерещилось, что вдогонку трещат выстрелы, доносятся крики. В том месте, где он переплывал реку, расстояние между берегами было невелико. И вот он уже на противоположной стороне. Выпрыгнул на берег и пустил лодку по течению. Сжимая револьвер в кармане, вышел на улицу и, стараясь подавить волнение, неторопливо пошел вперед. Озираться было некогда. Теперь он уже явственно слышал топот шагов на том берегу и голоса на мосту. Потом раздался залихватский полицейский свисток. Сейчас догонят. Надо собраться с силами и притворяться до последнего, а если не удастся, дать им последний бой. Мимо проехало такси. Он остановил его, сел и в то же мгновение почувствовал острую боль. Впрочем, он тут же о ней забыл – радость, что и на этот раз ушел от погони, была сильнее. Пользуясь темнотой, он незаметно прокрался домой и, как был в мундире, бросился на кушетку. И снова почувствовал боль. На этот раз понял колена! Потрогал рукой – что-то мокрое, липкое. Неужели обо что-то ударился? А может быть, пуля? Он ощупал колена. Ерунда, простая царапина. Если бы его ранили, пуля застряла бы в ноге. В темноте он сбросил мундир, нашел свою рубаху, оделся. Прошелся по комнате – как будто не больно. Однажды ты с пулей в ноге пробежал всю улицу Мухаммеда Али. Ты способен творить чудеса. И, кажется, на этот раз ты тоже сумел ловко смыться. А рана вообще пустяк. Немного кофе – и от нее не останется и следа[7 - По существующему в Египте народному обычаю, кровь останавливают, присыпая рану кофе.]. Но убил ли ты

Рауфа Альвана? И кто стрелял в тебя из сада? Не приведи Господь, что и на этот раз ты убил кого-нибудь другого. Нет, не может быть. Ты убил Рауфа, рука твоя не знает промаха. И пустырь за пригорком у кофейни мог бы это подтвердить. погоди, ты еще пошлешь письмо в газету: «Почему я убил Рауфа Альвана». Вот тогда твоя жизнь обретет утраченный смысл. Пуля, убившая Рауфа Альвана, убила безнаказанное вероломство. Ведь жизнь без совести и чести – все равно что земля, лишенная силы притяжения. А ты хочешь только одного – умереть не напрасно.

...Вернулась Нур – усталая, с неизменным свертком под мышкой. Увидела его, обрадовалась, как всегда, и вдруг взгляд ее упал на брюки...

– Что это?.. Кровь?..

Швырнула покупки на кушетку, кинулась к нему. Только тут он заметил на брюках пятно. Показал ей колено:

– Да так, пустяки, простая царапина. Дверцей такси ударил.

Но она закричала:

– Нет, ты не зря надевал форму... Я так и знала, ты на этом не остановишься... Ты меня погубишь!..

– Не волнуйся... Немножко кофе, и к утру даже следов не останется.

– Не волноваться? Да ты просто хочешь моей смерти... Когда же наконец кончится этот кошмар?

Она засуетилась, стала присыпать рану кофе, замотала колено клочком материи, оставшейся от платья, которое она себе шила. И все время причитала и жаловалась на судьбу. Он не выдержал.

– Ступай прими душ, может, хоть он тебя успокоит. Она послушалась, но, выходя из комнаты, все-таки бросила:

– Ты сам не понимаешь, как себе вредишь.

Когда она вернулась, он уже выпил треть бутылки и, немного повеселев, встретил ее словами:

– Выпей... Здесь я в безопасности, и полиции до меня не добраться.

Расчесывая мокрые волосы, она грустно сказала:

– Какая же я несчастная... Он отхлебнул из стакана.

– Никто не знает, что будет завтра...

– Наше завтра зависит от нас самих!

– Ничего, абсолютно ничего ты не можешь знать наверняка. А я знаю только, что ты со мной и я без тебя не могу...

– И это говоришь ты?

– Да. И я тебе даже больше скажу. Ты райский уголок среди шквала пуль, летящих мне вслед...

Она тяжело вздохнула.

– Ты хороший человек, Нур, и мне приятно тебе об этом сказать.

– Я несчастный человек. Мне ничего не надо – только бы ты был цел и невредим.

– Еще не все потеряно...

– Да, бежать. Нам нужно бежать.

– Нужно. Но придется подождать, пока заснет собака...

– Но ты так неосторожен! – с отчаянием сказала она. – Все мечтаешь убить свою жену и ее нового мужа? Их ты не убьешь, а себя вот погубишь.

– А что говорят в городе?

– Шофер такси сегодня с жаром тебя защищал. Но и он тоже сказал, что ты убил невинного человека...

Он сердито фыркнул и, чтобы скрыть раздражение, потянулся к стакану. Кивком приказал ей выпить тоже. Она поднесла стакан ко рту.

– А что еще говорят? – спросил он.

В ресторане на поплавке, где я сегодня была, один сказал, что вся история с тобой – неплохая разрядка от скуки.

– А ты что?

– Что я? – Она взглянула на него с упреком. – Я, разумеется, молчала. Я – то тебя берегу, да только ты вот себя не бережешь. Я знаю, ты меня не любишь, но для меня ты дороже жизни. Только с тобой я по-настоящему узнала счастье. Но тебе, видно, даже смерть приятней, чем моя любовь...

И она заплакала, так и не успев отпить из стакана. Саид ласково прижал ее к себе.

– Не плачь, я сдержу свое слово... Мы убежим и навсегда будем вместе...

XV

Какие огромные заголовки... И эти крикливые, рассчитанные на сенсацию снимки... Основное событие дня. Рауф Альван дает интервью. Да, он познакомился с Саидом Махраном, еще когда жил в студенческом общежитии, где тот работал сторожем. Он всегда относился к Саиду с большой симпатией. Даже когда тот вышел из тюрьмы и пришел к нему за помощью, он дал ему денег, чтобы было с чем начинать новую жизнь, но в ту же ночь Махран попытался ограбить его дом. Он поймал его с поличным, сделал ему строгое внушение, но все-таки пожалел и отпустил. А тот снова явился, на этот раз чтобы его

убить!.. Газеты считают, что ты сумасшедший. Кровожадный маньяк, одержимый манией величия. Лишился рассудка после измены жены и теперь стреляешь во всех без разбору. И убит вовсе не Рауф Альван, а бедняга сторож. Еще одна невинная жертва...

– Проклятие! Эхо, короткое и резкое, как выстрел. За твою голову обещана большая денежная награда. Газеты предостерегают своих читателей, убеждают, что не надо тебе сочувствовать. Ты стал для них главным интересом в жизни. И так будет продолжаться, пока ты не сложишь голову. Подобно загадочным явлениям природы, ты вызываешь изумление и страх. Скучающие бездельники ликуют. Еще бы – такое развлечение! А револьвер твой, видно, только и способен, что убивать невинных людей. И последней его жертвой будешь ты сам.

– Но разве это безумие? – уныло спросил он вслух.

Тебе всегда нравилось возмущать спокойствие, даже когда ты был простым акробатом в цирке. Твои победные налеты на виллы богачей кружили голову и приятно щекотали самолюбие. Ты верил речам Рауфа, а он от них отступился, и вот теперь они привели тебя к гибели...

Ночь тянулась, а он все сидел один. В бутылке оставалось вино, и он допил его. Потом встал. Мрак, густой мрак, окутанный могильной тишиной. И ему вдруг показалось, что все еще, может, обойдется и смерть, в конце концов, не так уж страшна. На душе стало легко и спокойно, и он сказал в темноту:

– Одна неверная пуля, и я стал сенсацией!

Он подошел к окну. Могилы мирно спали в лунном свете. – Слушайте меня внимательно, господа советники, я решил защищать себя сам...

Он отошел на середину комнаты и стянул с себя рубаху: в комнате было душно и от выпитого вина по всему телу разливался жар. Рана под повязкой зудела – значит, начала заживать.

– Я не похож на тех, кто до меня сидел на этой скамье, – продолжал он, глядя в темноту. – Ведь должны же вы считаться с тем, что я человек образованный! По сути дела, между мной и вами нет никакой разницы,

разве только та, что я обвиняемый, а вы судьи. Впрочем, это разница чисто формальная и значения не имеет. Но вот уж что действительно смехотворно, так это то, что мой высокочтимый наставник и учитель оказался предателем и мерзавцем. Да, да, вы вправе удивляться, но ведь электрический провод, по которому бежит ток, часто бывает загажен и засижен мухами...

Он лег на диван. Издалека до слуха долетал собачий лай... Но как ты можешь рассчитывать на снисходительность судей, когда они твои враги и интересы общего блага им безразличны? Они сродни тому мерзавцу, и между вами лежит пропасть. А тебе остается призывать в свидетели свои жертвы и доказывать, что измена была негласным сговором.

– Я не убивал слугу Рауфа Альвана. Да и зачем мне убивать незнакомого человека? Нет, он убит только потому, что был слугой Рауфа Альвана. Вчера мне явился его дух, и, когда я в смятении отпрянул, он сказал: миллионы людей гибнут без причины, убитые по ошибке...

Это будет блестящая, яркая речь. Ты сумеешь доказать свою невиновность. Ведь сам-то ты убежден в своей правоте. Да и они в глубине души понимают, что ремесло твое законно, ибо разве не грабеж был ремеслом господ во все века и времена? Какое лицемерие считать, что живой ты не стоишь и миллима, если за тебя мертвого дают тысячу фунтов? И вот уже судья, сидящий слева, хитро подмигивает тебе: не горюй, выше голову!..

– И если палач спросит, каково мое последнее желание, я предпочту смерть Рауфа Альвана свиданию с дочерью. И пусть мой конец близок, я не считаю по пальцам оставшиеся дни. Когда человек спасается от погони, одиночество заставляет его пенить каждое мгновение и делает жизнь богатой, до отказа насыщенной чувствами...

Никакой приговор не может быть страшнее, чем испуг Саны. Она убила тебя еще прежде, чем ты попал на виселицу. И что толку, если миллионы людей молча сочувствуют тебе? Их сочувствие бессильно, как мечты мертвецов. Так неужели же вы не простите револьверу его невольную ошибку? Ведь он – ваш Высший повелитель и Судья!

– Моя смерть будет смертью миллионов. Ведь я надежда и защита всех, кто робок, кому не хватает смелости. Я их образец, их утешение, их невыплаканные слезы. И если вы считаете меня безумным, то считайте безумными и их тоже. Задумайтесь же о причинах этого повального безумства и потом уже судите меня...

Мысли стали путаться... Нет, все-таки ты великолепен, в полном смысле этого слова. Жаль только, что великолепие твое обведено траурной рамкой. Но ничего, после смерти тебя оценят. Даже и безумие твое будет благословенно, дав животворную силу корням растений, клеточкам животных, сердцам людей... Незаметно подкрался сон. Он понял, что спал, только когда проснулся, разбуженный ярким светом, и увидел Нур. Потухший мертвый взгляд, отвислая губа, бессильно опущенные плечи – само воплощение растерянности и отчаяния. И он понял: узнала о новом преступлении.

– Нет, ты еще страшнее, чем я себе представляла. Я тебя умоляю – сжался, убей и меня тоже...

Не отвечая ей, он поднялся, сел на кушетке.

– Ты думаешь не о бегстве, а о том, чтобы убивать... И будешь убивать снова и снова... Но неужели ты надеешься одержать верх над властями, когда все улицы в городе забиты полицейскими?

– Сядь, и давай поговорим спокойно...

– Спокойно? Да разве ж я могу быть спокойной? И вообще, о чем нам разговаривать? Все кончено... Лучше убей меня!

– Ни один волос не упадет с твоей головы, – сказал он.

– Я не верю ни единому твоему слову! Зачем ты убиваешь сторожей?

– Я не желал ему зла...

– Ему? А другому? Кто такой этот Рауф Альван и что за вражда между вами? У него тоже что-то было с твоей женой?

Он хрипло рассмеялся:

– Какая чушь! Нет, на то есть другие причины. Правда, он тоже предатель, но уже совсем другого рода. Я тебе не могу этого сейчас объяснить... Она рассердилась.

– Ну конечно, ты можешь только мучить меня...

– Я же сказал: сядь, и поговорим спокойно.

– Ты по-прежнему любишь свою жену, эту изменницу! Меня же только мучишь.

– Не надо, Нур! Мне и без того тяжело...

В голосе его звучало неподдельное страдание, и она умолкла, но тут же заговорила опять:

– Я чувствую, как самое дорогое, что было у меня в жизни, гибнет на моих глазах...

– Это только так кажется. Ты просто напугана... Но люди, привыкшие, подобно мне, рисковать, не отступают перед трудностями. Вот увидишь...

– Но когда?! – воскликнула она, чуть не плача.

– Скорее, чем ты думаешь... – сказал он, изо всех сил стараясь казаться уверенным. Потом притянул ее к себе. В ноздри ударил запах винного перегара и пота. Но теперь он не чувствовал отвращения, и поцелуй его был неподдельно нежным.

XVI

Скоро рассвет, а Нур все еще не вернулась. Утомленный мыслями и бесконечным ожиданием, он понял, что уже не уснет. Внезапно из душной темноты возникло страшное сомнение: а что, если Нур

соблазнилась наградой, обещанной за его голову? Воистину кровь твоя до последней капли отравлена ядом подозрительности. Это потому, что мысль об измене преследует тебя, неотвязная и прилипчивая, как пыль, когда из пустыни дует хамсин. Но ведь было время, когда ты считал, что и Набавия принадлежит тебе безраздельно, а на самом деле она тебя никогда не любила, даже там, под одинокой пальмой на краю поля. Нет, нет, Нур тебе не изменит. Она не польстится на эту награду и не выдаст тебя полиции. Она устала от этой жизни, молодость прошла, и ей хочется искренней человеческой близости. Ты не смеешь о ней плохо думать... Но когда же она все-таки вернется? Ты голоден, тебе хочется пить и смертельно надоело ждать. Совсем как тогда. Помнишь, ты стоял и ждал ее под пальмой. Ждал Набавит, а она не шла. Потом ты ходил вокруг дома старой турчанки, грыз ногти и от отчаяния готов был даже постучать в дверь. Но вот она наконец появилась – нет, взошла, как солнце, – и сладкая дрожь пробежала по телу, и радость огромная, восторженная, пьянящая, несказанная радость охватила тебя всего целиком, с головы до кончиков пальцев, и в ней было все: и слезы, и смех, и порыв, и уверенность, и снова дикая, необузданная радость. Не надо вспоминать те времена у пальмы, это прошлое, и между вами пули, кровь и безумие. Лучше подумай, где найти силы, чтобы справиться с тоской ожидания в душной, убийственно душной темноте. Наверное, Нур просто не хочет возвращаться, не хочет избавить тебя от мук одиночества, темноты, голода и жажды... И он заснул, устав ругать себя за свою подозрительность. Когда он открыл глаза, сквозь жалюзи пробивался яркий дневной свет. В комнате было уже не просто душно, а как в раскаленном пекле. Охваченный тревогой, он вскочил с кушетки и бросился в спальню. Все то же. Нур не возвращалась. Где же она ночевала? И почему не вернулась? До каких же пор он обречен сидеть в этой одиночной камере? Однако как ни тревожны были его мысли, а голод дал себя знать и погнал на кухню. Там он нашел хлебные корки, остатки мяса, петрушку и подобрал все до последней крошки, обсосав кости, как собака. День тянулся томительно, и он все ломал голову, теряясь в догадках, почему до сих пор не вернулась Нур и когда же она наконец придет. Садился, потом вскакивал и начинал ходить по комнате, и снова садился и коротал время, поглядывая из-за жалюзи на кладбище, смотрел на похороны, бессмысленно считал могилы. Настал вечер, и она не пришла. Нет, тут что-то неладно. Что могло с ней случиться? Его обуревала тревога. И по-прежнему хотелось есть. Она

попала в западню, в этом нет никакого сомнения. Но она должна выпутаться, должна вернуться, иначе что же будет с ним?

Около полуночи он неслышно выскользнул из дома и через пустырь направился в кофейню Тарзана. В условленном месте три раза свистнул и принялся ждать. Вот и Тарзан.

- Ты бы все-таки поосторожнее. Легавые на каждом шагу...
- Есть хочу...
- Помилуй, неужто только за этим вышел?
- Что поделаешь? Сейчас ничему не приходится удивляться.
- Пойду пришлю тебе кебаб. Но ты бы, правда, все-таки поостерегся...
- Ничего, бывали в переделках и похуже этой...
- Не скажи... Из-за последнего налета все на тебя теперь зубы точат.
- Так оно всегда и было...
- Угораздило же тебя связаться с таким важным человеком!

Тарзан ушел. Через час мальчик принес кебаб, и он с жадностью набросился на еду. Потом он сидел на песке, в небе висела почти полная луна. Он глядел на далекий огонек на холме и живо представлял себе завсегдатаев кофейни Тарзана. Сидят, балагурят, кто в доме, кто снаружи. Все-таки нет на свете ничего противнее одиночества. Среди людей он чувствовал себя великаном. Любил, повелевал, был героем. А без этого и жить не стоит. Интересно, вернулась ли Нур? И вообще вернется ли? Дома ли она, или снова его ждет гнетущее одиночество?

Он встал, отряхнул брюки и пошел к роще, чтобы оттуда выйти на дорогу, огибающую гробницу Мученика с южной стороны. Он уже дошел до того места, где недавно подкарауливал Баязу, когда перед ним как из-под земли выросли две тени.

– Ни с места! – крикнул один. Говор был деревенский.

– Документы! – рявкнул другой.

В лицо ударил луч карманного фонаря. Он быстро опустил голову, будто спасая глаза от резкого света, и с бешенством крикнул:

– Кто такие?.. Отвечать!

Его повелительный тон, видимо, смутил их. К тому же при свете фонаря они разглядели его офицерский мундир.

– Извините, ваша честь, в темноте не разобрались!..

– Кто такие? – повторил он, стараясь придать голосу неподдельную ярость.

– Из корпуса Вайли, ваша честь...

Фонарь погас. Но он успел заметить, как один из них что-то уж слишком пристально его разглядывает. Как будто заподозрил неладное. Раздумывать было некогда. Два молниеносных удара, правой и левой, в брюхо, одному и другому. А теперь в челюсть одному и под вздох другому. И вот уже оба, не успев опомниться, без памяти валяются на земле. А теперь прочь, как можно скорее! На углу улицы Нагмуд-дин он на мгновение остановился, чтобы убедиться, что за ним нет погони, и только потом вошел в дом. По-прежнему никого. То же одиночество, уныние и тревога. И тот же мрак. Он сбросил мундир и в тоске повалился на кушетку.

– Нур, где ты?

С тобой что-то случилось. Может, тебя сцапала полиция? Или на тебя напали какие-нибудь негодяи? Сердце говорит мне, что ты попала в беду. Знаю, я больше тебя не увижу... Ему стало отчаянно грустно. И вовсе дело не в том, что он вот-вот лишится надежного убежища. Нет. Он потерял любящее женское сердце. Он глядел в темноту и видел ее улыбку, вспоминал ее ласку, ее несчастное, жалкое лицо, и сердце его сжималось. Да, видно, он был привязан к ней больше, чем думал. Она стала частью его нелепой, растерзанной жизни, которая теперь висит на

волоске. И, зажмурившись, он признался самому себе, что любит ее и готов отдать жизнь, лишь бы она вернулась целой и невредимой. Кто пожалеет о ней, если она погибнет? Никто. Ни один взгляд простого сострадания не будет брошен в ее сторону. Одинокая, обездоленная женщина в океане равнодушия и враждебности. Вот так же и Сана в один прекрасный день обнаружит, что никому нет до нее никакого дела. Даже подумать страшно. В бессильной злобе он выхватил револьвер и прицелился в темноту, готовый уже сейчас встретить неведомое грядущее. Нет, все напрасно, напрасно... И он сражался с кошмарами Тишины и Мрака, пока не уснул перед самым рассветом.

Когда он открыл глаза, было уже светло. Он понял, что его разбудил стук в дверь. В тревоге он вскочил и на цыпочках подкрался к двери. Стук повторился. А вот и голос. Женский голос. «Госпожа Нур!.. Вы слышите? Госпожа Нур!..» Кто эта женщина и что ей надо? Он вернулся в комнату и на всякий случай взял револьвер. А вот и мужской голос: «Наверно, ее нет дома». И опять женский: «Да нет, она в это время всегда бывает дома! И за квартиру она всегда аккуратно платит». А, так это, значит, хозяйка. Снова яростный стук в дверь, и снова женский голос: «Сегодня уже пятое число, я не могу больше ждать!» И оба, сердито о чем-то переговариваясь, ушли.

Теперь уже не только полиция, но и сами обстоятельства против него. Хозяйка, конечно, не станет долго ждать и рано или поздно взломает дверь. Так что самое разумное – это уйти отсюда, и чем скорее, тем лучше. Вот только куда?

XVII

Днем опять пришла хозяйка, снова стучала в дверь, и вечером тоже. Уходя, она бросила: «Ну нет, госпожа Нур, всему есть предел!»

В полночь он выбрался из дома. Хотя теперь уверенность окончательно покинула его, он шел неторопливо, будто прогуливался. Несколько раз ему показалось, что прохожие – это переодетые шпики, и он уже приготовился к последней отчаянной схватке. После вчерашней ночной

драки полиция, конечно, оцепила весь квартал у кофейни Тарзана. Он свернул на горную дорогу. Сильно хотелось есть. Шейх Али Гунеди – вот у кого он найдет приют, хотя бы на время, чтобы собраться с мыслями. А там – видно будет. Он осторожно проскользнул во двор, окруживший его тишиной, и тут только спохватился: его мундир! Он остался на квартире у Нур. Экая досада! Но теперь уже поздно, ничего не поделаешь. Он решительно переступил порог. В комнате горел светильник. Шейх Али, скрестив ноги, сидел в углу и шепотом молился. Саид припелся в глубь комнаты, туда, где у стены были сложены его книги, и устало опустился на пол. Шейх продолжал молиться.

– Добрый вечер, владыка, – сказал ему Саид.

Шейх поднес руку к голове, отвечая на приветствие, но молитвы не прервал.

– Я голоден, владыка.

На этот раз подействовало. Шейх посмотрел на него отсутствующим взглядом и кивнул на поднос с инжиром и хлебом. Не раздумывая, Саид набросился на еду, подчистил все, что было на подносе, но не наелся и вопросительно взглянул на шейха.

– У тебя нет денег? – спросил тот.

– Есть.

– Тогда пойд и поешь.

Саид промолчал. Шейх поглядел на него с любопытством.

– Когда же ты наконец успокоишься?

– Наверное, уже на том свете...

– Вот потому-то ты и голоден, хотя и с деньгами.

– Может быть...

– А я тут читал стихи о печалях, но на сердце у меня было радостно...

– Ты счастливый человек...– И со злобой добавил: – Подлецы ускользнули! Как же могу я быть спокоен?

– Сколько же их?

– Трое.

– Благословен мир, если в нем всего лишь трое подлецов.

– Да нет, их много, но я вражду с тремя...

– Значит, никто не ускользнул...

– Да, но какое мне дело до всего мира?

– Человек за все в ответе. И за этот мир, и за мир иной... Саид нетерпеливо фыркнул.

– Терпение свято,– сказал шейх,– и оно освящает все вокруг...

– Но преступники спасаются от кары, а невинные гибнут! – печально усмехнулся он.

Шейх вздохнул.

– Когда же мы обретем сердечный покой под сенью Закона?

– Когда закон этот будет справедлив!

– Он всегда справедлив. Саид сердито тряхнул головой.

– Вот только жаль, что покрывает подлецов...

Шейх улыбнулся и ничего не ответил. И Саид решил, что пора переменить тему разговора.

– Я лягу лицом к стене. Не надо, чтобы меня здесь видели! Я пришел к тебе искать приюта. Помоги мне укрыться!

– Приют дает нам лишь Всевышний...

– Ты не хочешь мне помочь? – встревоженно спросил он.

– Помилуй, что ты...

– Неужели даже ты, чья добродетель всем известна, не в силах меня спасти?

– Если хочешь, спаси себя сам.

«Но я – убийца», – про себя подумал Саид и вслух добавил:

– Можешь ли ты выпрямить кривую тень?

– Мне нет дела до теней, – спокойно ответил шейх. Воцарилось молчание. За окошком, сквозь которое лился лунный свет, проснулась и зашевелилась жизнь. «В ней твоё искушение...» – мурлыкал шейх. Да, он всегда найдет, что сказать. А все-таки, владыка, дом твой – ненадежное место, хотя сам ты – воплощение верности. И я должен бежать, чего бы мне это ни стоило. И пусть тебе, Нур, поможет хоть счастливая случайность, если не помогли справедливость и милосердие. Но как я мог забыть там мундир? Я же свернул его, приготовил, а в самый последний момент забыл. Видно, бесконечное тревожное ожидание в темноте, бессонница и одиночество убили в тебе осторожность... Если они найдут мундир, они нападут на твой след. Приведут собак, окружат, и тогда – конец трагедии, которой газеты развлекают своих читателей.

– Я хотел просить тебя обратить свой лик к небу, – заговорил вдруг шейх, – но ты, опередив меня, заявил, что обратишь его к стене!

– А ты забыл, что я сказал тебе про подлецов! – воскликнул Саид.

– «Если забыл, вспомни Господа своего!» – нараспев прогудел шейх.

Какая тоска. Он закрыл глаза и снова подумал: как я мог забыть там мундир?

Тревожное предчувствие не давало покоя.

– «И если спросят: «Знаешь ли ты среди заклинаний и снадобий такое, что способно отвлечь волю Всевышнего!» — и ответствуй: «На все Его воля», — пробубнил шейх.

– Что это значит? Шейх вздохнул.

– Твой отец понимал меня всегда... Саид не выдержал.

– Мне очень жаль, но ты не смог накормить меня досыта. Кроме того, я забыл свой мундир, и это тоже очень жаль. И вообще я, видно, не способен тебя понять. И я буду спать, отвернувшись лицом к стене. И все равно я уверен, что я прав...

Шейх с состраданием улыбнулся:

– «И сказал сейид[8 - Сейидами на мусульманском Востоке называют людей, считающих себя потомками Пророка.]: «Я по нескольку раз в день смотрю в зеркало, боясь, что лицо мое почернело!».

– Ты?!

– Да не я, а сейид!

– В таком случае подлецам приходится глядеться в зеркало каждый час, — съехидничал Саид.

Шейх опустил голову и замурлыкал опять: «В ней твоё искушение...» Саид закрыл глаза. «Устал я, — подумал он, — по-настоящему устал. И все равно не успокоюсь, пока не заберу оттуда свой мундир».

XVIII

Усталость растопила волю, и он, несмотря на свое решение во что бы то ни стало забрать мундир, уснул и проспал до полудня. Ожидая

наступления темноты, он обдумывал план бегства. Конечно, пока полиция торчит в квартале, где кофейня Тарзана, успех его затеи невозможен. Так что, выходит, какое– то еще время придется выждать...

Когда совсем стемнело, он отправился на улицу Нагмуд-дин. В окне у Нур горел свет. Он не поверил своим глазам. Гулко, до боли в ушах забилось сердце. Могучей волной нахлынула радость. Конец кошмара... Нур вернулась, она дома. Но где же она пропадала? Неважно, он узнает об этом позже, самое главное – она вернулась. Наверно, волнуется, думает, где он, сходит с ума от тревоги, как и сам он недавно. Вернулась! Он знает это, чует сердцем, а сердце еще никогда его не обманывало. Прощайте, страхи бездомной жизни! Хотя бы на время, а там – кто знает? – может, и навсегда. Сейчас он сожмет ее в своих объятиях и скажет, как он по ней истосковался, как любит ее. Не помня себя от счастья, он мчался по лестнице, и каждая ступенька вела его навстречу Победе – огромной, такой, что никому и не снилось. Побег ему, конечно, удастся. Он исчезнет, исчезнет надолго, но однажды он вернется, и тогда несдобровать подлецам. Вот и дверь. Он с трудом перевел дыхание. Нур, родная, люблю тебя, люблю... Обниму тебя, на твоей груди забуду и горечь всех утрат, и измену предателей, и испуганный крик Саны. Он постучал... Что это?! На пороге стоял мужчина. Низкорослый мужчина в исподнем. (Мгновение, одно только мгновение – и от счастья осталась кучка пепла!) Мужчина с недоумением взглянул на Саида.

– Вам кого?

И вот уже недоумение во взгляде сменяется подозрительностью. «Да он же сейчас тебя узнает!» – мелькнуло в голове. Зажал ему рот левой рукой, а правой нанес сильный удар повыше живота. Бережно поддержал падающее тело и осторожно положил на пороге. Вот так, не надо шума. Теперь бы влететь быстро в комнату, схватить мундир и бегом прочь – но что если там еще кто–нибудь? Так и есть. Какая-то женщина.

– Кто там пришел, папаша?

Досадно, но ничего не выйдет. Он сбежал по лестнице. Вышел на горную дорогу. Какие-то подозрительные силуэты. Он ничком

бросился на землю у дома и отлеживался, пока дорога не опустела совершенно. Уже почти на рассвете, с опаской оглядевшись по сторонам, он снова юркнул в дом шейха. Сидя в своем углу, старец поджидал, когда муэдзин возвестит время молитвы. Саид сбросил пиджак, растянулся на циновке и, хоть уже не надеялся уснуть, на всякий случай отвернулся к стене.

– Спи! – сказал шейх.– Сон – божество для таких, как ты...

Он не ответил. «О Аллах!» – чуть слышно вздохнул шейх.

Муэдзин прокричал свой призыв к молитве, а он все не спал. Потом до слуха долетел голос уличного торговца молоком, а сон упорно не шел. Потом начались кошмары, и тут он понял, что все-таки спал. Он открыл глаза. Тусклый свет лампы расплзался по комнате туманом. Значит, он спал час, не больше. Он оглядел комнату. Подстилка, служившая шейху ложем, была пуста. Возле стопки книг стоял поднос с жареным мясом, инжиром и кувшин с водой. Спасибо, владыка, но когда же ты успел? Во дворе какие-то голоса... Странно. Он подполз к двери и осторожно выглянул в щелку. Мюриды чистили циновки. Он удивился еще больше. А вот и сторож, зажигает лампу над входной дверью. Так, значит, уже вечер. А он-то думал: сейчас раннее утро. Выходит, незаметно для себя он проспал целый день. Крепко же я спал. Не надо ни о чем думать. Сначала поедим. Покончив с едой, он надел пиджак и сел, привалившись спиной к книгам. Вытянул ноги. И сразу беспорядочно забегали, заметались мысли – забытый мундир... человек, открывший ему дверь... Сана... Нур... Рауф – Набавия – Илеш... легавые, Тарзан, машина, чтобы вырваться из осады... Нет, я во что бы то ни стало должен связаться с Тарзаном. И я проберусь к нему, хотя бы ползком, через пустыню. Ох, как будет завтра полиция кусать локти и какой страх охватит подлецов!.. Во дворе раздался призывный хлопок в ладоши, голоса стихли, и воцарилась торжественная тишина. Шейх Али Гунеди трижды провозгласил: «Аллах», остальные нараспев повторили. Он представил себе, как они ритмично раскачиваются в такт... «Аллах... Аллах... Аллах...» Ритм ускоряется, и громче звучат голоса и сливаются в единый монотонный гул, напоминающий стук колес проходящего поезда. Колеса стучали долго, потом понемногу стали затихать, четкий ритм нарушился, все медленнее, все медленнее, медленнее... Качнулись в последний раз и встали. Тишина. И вдруг взвился чей-то звонкий голос:

Увы, промелькнуло летучее время, Но вас, о любезные сердцу, не встретил!

Напрасно покоя тот ищет на снеге.

Чей жребий печальный – вражда и разлука...

Стон прокатился по двору. И новый голос:

О любовь, ты рассудка меня лишила, Страсть маячит вдали, за собой увлекает, зовет...

Рок неотступный бредет по пятам за спиною...

И снова стон. И снова пение, и снова хлопок в ладоши, и снова бесконечное гудение: «Аллах... Аллах... Аллах...»

Он слушал, отдавшись своим мыслям. Медленно ползла ночь, и облаками проплывали воспоминания... Отец, раскачивающийся в кружке молящихся: «Аллах.

—.. Аллах... Аллах...» Мальчик, сидя под пальмой, изумленно наблюдает необычное зрелище... Причудливые тени вечности, осененные именем милосердного... Яркая вспышка былых надежд, воскресших из пелены забвения... Одинокая пальма на краю поля и шепот, упоительный и свежий, как утренняя роса... Сана... Он держит ее на руках... Ее первый. волшебный лепет... А потом полыхнуло жарким огнем, как из ада, и посыпались удары, удары... Протяжное пение и стоны молящихся... Напрасно покоя тот ищет... Промелькнуло летучее время... Но вас я не встретил... Неотступная Смерть за спиною... А револьвер твой, дрожащий от нетерпения в кармане, еще скажет свое слово. И в схватке с Вероломством и Пороком ты все-таки выйдешь победителем. И впервые вор будет преследовать собак... Неожиданный крик под окном, резкий, как удар плетью... И гул голосов, все громче, громче: «Оцепили весь квартал! Облава... Совсем как во время войны... Саид Махран...»

Он сжался, как пружина. Судорожно напряглись мускулы, рука впиалась в револьвер. Дико оглянулся вокруг. Толпа народу, а где

народ, там и легавые. Медлить некогда. Сейчас они, наверное, разглядывают мой мундир. И у них собаки. А я сижу здесь, у всех на виду. И если дорога через пустыню на каждом шагу чревата опасностями, то здесь мне до смерти рукой подать. Я буду драться до последнего вздоха. Он незаметно выскользнул на улицу и пошел налево, вниз, в сторону кладбища. Ночь уже вступила в свои права, луны еще не было, и мрак черной стеной преграждал дорогу. Он нырнул в черноту могил и побрел наугад, плутая в лабиринте Небытия. Забирался вглубь и снова возвращался. И хотя у него не осталось теперь ни единой искорки надежды, он почему-то чувствовал небывалый прилив сил. Теплый ветер донес до слуха отдаленный неясный шум. Хорошо бы спрятаться в какой-нибудь могиле, подумал он, но не остановился. Он чувствовал, что просто не в силах остановиться. Все равно не поможет, хотя собаки – это очень страшно. Потом он обнаружил, что дошел до края кладбища. Что-то знакомое было в этих очертаниях. Да это же северный вход, а вон улица Нагмуддин! Да-да, она самая. А вот и единственный дом, и в нем квартира Нур, и ее окно. Свет горит. Он пристально взгляделся, и ему показалось, что он видит в окне неясный женский силуэт. Нур? Встрепенувшись, взволнованно забило сердце. Неужели все-таки вернулась? Или глаза обманывают его, как вчера обмануло сердце? Что-то часто ты стал обманываться, видно, близок твой конец. Но если это и правда Нур, ему ничего от нее не надо, пусть только позаботится о Сане, когда свершится неизбежное. Сейчас он ее окликнет. Это рискованно, но ему нечего терять. И тут он услышал собачий лай. Отрывистый и гулкий, как выстрелы в тишине. Ему стало страшно, и он побежал. Дальше, дальше, туда, за могилы. Лай приближался. Он прижался спиной к надгробию, выхватил револьвер и напряженно уставился в темноту. Вот он, конец. Если в ход пущены собаки, надеяться больше не на что. На этот раз подлецы уцелели. И в последний раз он сказал себе, что жизнь прожита напрасно... С какой стороны они идут? Не поймешь – кажется, будто со всех сторон. И со всех сторон тебя окружает мрак, и, беги не беги, от него никуда не укрыться. Подлецы уцелели, а твоя жизнь прожита напрасно. Все ближе шум и ближе лай, и скоро ты услышишь на своем лице собачье дыхание, полное ненависти и злорадства. Он яростно стиснул револьвер. А лай все ближе, все громче. И вдруг яркий, ослепительный яркий свет огненным кольцом опоясал все кладбище. Он зажмурился и бросился на землю. Торжествующий голос:

– Сдавайся, сопротивляться бесполезно...

Тяжелые шаги подступают, надвигаются со всех сторон... Светло как днем.

– Сдавайся, Саид!..

Он еще крепче прижался к надгробью втиснуться бы туда – и, затравленно озираясь по сторонам, приготовился стрелять.

И снова торжественно прогудел голос:

– Сдавайся! Обещаю тебе, что с тобой обойдутся по-человечески.

Ну разумеется, Рауф, Набавия, Илеш и все эти собаки тоже обошлись со мной по-человечески.

– Ты окружен. Кладбище оцеплено. Подумай хорошенько и сдавайся.

За могилами они тебя не видят. Он не шелохнулся, решив отбиваться до последнего.

– Ты понимаешь, что сопротивляться бесполезно? – упрямо повторил голос. На этот раз он звучал ближе, чем прежде.

– Не подходи! Убью! – закричал Саид в ярости.

– Ну ладно, не буду... Да только на что надеешься? Выбирай сам, смерть или суд по справедливости...

– Знаю я вашу справедливость!

– Ты, я вижу, упрямец... Ну, что же, даю тебе минуту срока...

И он увидел Смерть. Она шагала, разгребая мрак. Отчаянно забились и закричали перепуганная Сана... Он уловил какое-то подозрительное движение за спиной и выпалил в темноту. Засвистели ответные выстрелы, брызнули каменные осколки надгробья. Он выстрелил еще раз. Теперь он не думал больше ни о чем. Целый дождь ответного свинца.

– Собаки! – прохрипел он в остервенении. Он отстреливался во все стороны.

Внезапно свет погас, и все снова погрузилось во мрак. Пальба прекратилась, воцарилась глухая тишина. Он опустил револьвер. Тишина... Каким удивительным сейчас кажется мир... Как странно, подумал он, что... И тут же забыл, что ему показалось странным. Да и не все ли равно? Похоже, что они отступили. Растворились в ночи. Конечно же. Он победил. Мрак сгустился, и вот уже он не видит ничего, даже силуэтов надгробий. И не надо. Он ничего не хочет видеть. Бездонная пучина мрака... Ему некуда идти и негде искать спасения. Да и зачем? Он дрался изо всех сил, пытаясь одержать верх хотя бы здесь, в этом последнем поединке. И наконец понял: надо сдаваться. И он сдался. Теперь все равно... Теперь все равно...

notes

Примечания

1

Дома – род пальмы.

2

Бастурма – здесь: вяленое мясо.

3

Мюрид – последователь, ученик.

4

Хусейн – сын имама Али, внук пророка Мухаммеда. По преданию, могила его находится в Египте.

5

Если угодно будет Аллаху (араб.).

6

Каср аль-Айни – государственный госпиталь в Каире.

7

По существующему в Египте народному обычаю, кровь останавливают, присыпая рану кофе.

8

Сейидами на мусульманском Востоке называют людей, считающих себя потомками Пророка.